

жи. Имелась «своя правда» и у консерваторов, установить которую поможет данная работа.

Книга написана профессиональными историками на базе богатейшего документального материала. Авторы стремились, отбросив предубеждения и идеологические клише, создать эскизные портреты жизни и судьбы русских консерваторов, людей, стремившихся сохранить столь дорогую их сердцу страну от надвигающейся катастрофы. Задача книги «Российские консерваторы» не идеологическая, а просветительская и авторы порой по-разному воспринимают многие вещи, придерживаются несхожих взглядов, что всё ещё так редко встречается в современных коллективных работах. В этой полифоничности, противоречивости оценок и умозаключений отпечаток нашего времени — неопределенного и переходного — отражение эпохи и людей её.

Алексей Андреевич
АРАКЧЕЕВ

В политической истории России XIX в. трудно найти более одиозную фигуру государственного деятеля, чем граф Алексей Андреевич Аракчеев, который столь неоднозначно и противоречиво оценивался как современниками, так и потомками. Сподвижник императоров Павла I и Александра I, он оказывал настолько значительное влияние на формирование отдельных сторон внутривластного курса, что в отечественную историографию прочно вошло понятие «аракчеевщины», с которой обычно связывают политику российского правительства после Отечественной войны 1812 г. Одним из характерных признаков данного курса было насаждение системы военных поселений. Поскольку непосредственным исполнителем был Аракчеев, постольку именно эта часть его карьеры и заслонила всю его предшествующую деятельность и дала повод для столь полярных оценок как в научных, так и в художественных произведениях.

Всем знакомы хрестоматийные строки А.С.Пушкина: «Всей России притеснитель...», написанные в 1820 г., когда Аракчеев находился в зените могущества. Но были и более тонкие подходы к его оценке. «Как строго ни суди о государственной деятельности и значении графа Аракчеева, — писал известный поэт и литературный критик П.А.Вяземский, — но все-таки нельзя не признать в нем глубокого и трогательного чувства привязанности и преданности к памяти императоров Павла I и Александра I. Это чувство не просто царедворческое, но в нем есть даже что-то рыцарское и поэтическое, как не смешно... может показаться, с первого взгляда, сочетание подобных прилагательных с лицом, известным современникам под именем: Аракчеев. Впрочем, это лицо, как и многие другие лица современной истории ожидают еще верного, строгого, но и беспристрастного суда истории потомственной, которая часто проверяет и очищает приговоры и суждения истории современной: ибо в этой последней нередко имеют слишком большое значение сплетни, предубеждения, личности и страсть текущего дня. Разумеется, из этих слов не должно выводить какого-либо притязания на апологию Аракчеева. Мы говорим только о необходимости скептического воздержания в отношении к резким, исключительным и, по большей части, опрометчивым оценкам так называемого общественного мнения»¹.

Естественно, что первые оценки Аракчеева как государственного

деятеля, были даны в письмах и записках современников, где, как правило, господствовали негативные суждения. Неприятный, желчный, придирчивый и мелочный характер Аракчеева во многом способствовал тому, что у современников и ближайших потомков о нем сложились совершенно невероятные легенды, «в которых о его деятельности и общественной, и домашней передаются ужасы, менее всего похожие на правду. Именно недостатки графа Аракчеева, для всех очевидные и несомненные, на которые так приятно было указывать во всемогущем временщике — побуждали всех закрывать глаза на его достоинства»².

В исследовательской литературе эта проблема начала разрабатываться с 1860-х годов и к концу столетия, по подсчетам И.П.Мордвинова, насчитывала свыше 200 различного рода публикаций³. В дореволюционной историографии преобладали, как правило, осторожные оценки государственной деятельности Аракчеева⁴. Но были и попытки его политической реабилитации⁵.

Советская историография, исходя из классовых оценок исторических событий и явлений, крайне негативно оценивала Аракчеева как государственного деятеля, не учитывая противоречивость самой эпохи и не вводя в методологию исследования психологический фактор. Только в последнее время появились работы, в которых прослеживается попытка адекватной оценки его жизни и деятельности⁶. Думается, что детальный и объективный анализ феномена Аракчеева позволит честно ответить на вопрос, поставленный Пушкиным: «Кто ж он «преданный без лестии»?», только ли «фрунтовой солдат», как считает поэт, или все-таки крупный политический деятель, достаточно четко вписавшийся в свою эпоху, и с консервативных позиций делавший все возможное, чтобы сохранить незыблемость монархического строя.

* * *

Российские дворяне Аракчевы не отличались особой родовитостью, поскольку первые упоминания о них относятся ко времени не ранее XVII в., и ведут свой род от Ивана Степановича Аракчеева, который принадлежал «к числу тех выходцев с татарского востока, которые вступали в службу к русским государям»⁷. Это подтверждается тем, что следы восточного типа достаточно четко проявлялись в облике Алексея Андреевича. В 1664 г. «за службу и заслуги» Ивану Аракчеву были пожалованы имения в Бежецкой пятине Новгородского уезда. Все Аракчевы служили в армии и некоторые из них достигали генеральских чинов.

Отец Аракчеева, Андрей Андреевич (ум. 1796 г.), служил в лейб-

гвардии Преображенском полку и, воспользовавшись манифестом 1762 г. о вольности дворянства, вышел в отставку в чине поручика и занялся хозяйством⁸. По разделу с родственниками ему досталось небольшое имение — село Гарусово в Вышеволоцком уезде Тверского наместничества с 20 душами мужского пола, в котором он почти безвыездно и провел всю свою жизнь. Женившись на дочери соседнего помещика Елизавете Андреевне Витлицкой (ум. 1820 г.), он получил в приданое село Курганы в Бежицком уезде того же наместничества.

Алексей Андреевич родился 23 сентября 1769 г. и был старшим сыном в семье. В литературе место его рождения указывается по-разному: и Гарусово и Курганы. В письме П.В.Ильину от 20 июня 1829 г. граф пишет: «...выехал из Грузина... в деревню нашу старинную в Вышневолоцком уезде, где я родился и не был там 33 года⁹». Следовательно, местом его рождения следует считать Гарусово. В 1776 г. родился средний брат Петр (впоследствии флигель-адъютант Александра I, генерал-майор), а в 1778 г. — младший Андрей (генерал-майор, долгое время служивший комендантом в Киеве).

Отец, человек по натуре добродушный, передоверил воспитание детей, как и ведение хозяйства, умной, властной и энергичной жене, державшей всю семью «в строгости и послушании». Именно его мать, которую Алексей всю жизнь нежно любил и чутко к ней относился, приучила детей к практичности, аккуратности и бережливости. Алексей рос в обстановке набожности, постоянного физического труда и требовательности к себе, отличался замкнутостью и серьезностью уже в детские годы.

Аракчевы жили скромно, но благодаря трудолюбию и бережливости ни в чем не нуждались. Вначале отец сам попытался учить своего первенца, но этот труд для него оказался «тягостен» и он переложил его на сельского дьячка, который вскоре, особенно в арифметике, стал отставать от своего ученика — мальчик мог в уме умножить довольно большие числа. От своего учителя он, вероятно, и воспринял ужасный почерк, который с годами становился все хуже и хуже. Отец готовил его для канцелярской работы, но когда двенадцатилетний Алексей увидел сыновей соседского помещика Г.И.Корсакова в мундирах артиллерийского и инженерного шляхетского корпуса, он твердо решил посвятить себя военной службе и поступить именно в этот корпус. С большим трудом ему удалось убедить в этом отца и в январе 1783 г., продав хлеб из своих амбаров и пару коров, они отправились в Петербург, напутствуемые благословением Елизаветы Андреевны.

В литературе давно господствует версия о том, что сразу оформить необходимые для зачисления в корпус документы не удалось, поскольку новый директор корпуса генерал-лейтенант П.И.Мелиссино ожидал утверждения в должности и не принимал прошений. Полгода Аракчевым пришлось добиваться аудиенции и только в июле, после того как мальчик отважился подойти к директору и со слезами на глазах изложил суть вопроса, он был зачислен в кадеты¹⁰. Но вот в письме Мелиссино Аракчеву от 4 апреля 1787 г. мы находим следующие строки: «... Я уговорил вас вступить в корпус: вы знаете, сколь благоденствие ваше и будущее счастье близки моему сердцу, вам известна моя к вам дружба и отеческое попечение¹¹», которые заставляют усомниться в бытующей на сей счет версии. Требуются дополнительные изыскания, чтобы пролить свет на данный факт биографии нашего героя.

Артиллерийский и инженерный шляхетский корпус (впоследствии — 2-й кадетский) был основан в 1758 г. графом П.А.Шуваловым путем слияния созданных еще Петром I инженерной и артиллерийской школ. В 1762 г. школа была переименована в корпус. В то время это было одно из лучших учебных заведений, готовивших артиллерийских и инженерных офицеров, получавших обширные познания в геометрии, началах тригонометрии, фортификационной и артиллерийских науках. Поскольку учебная литература была исключительно на иностранных языках, в корпусе изучали французский, немецкий и латинский языки. В «верхних» классах Мелиссино ввел преподавание только на иностранных языках. Из «изящных» дисциплин кадет обучали танцам и фехтованию.

В корпусе Аракчев особенно отличался в изучении военно-математических наук, не имея больших склонностей к гуманитарному циклу. Несмотря на слабое домашнее образование, он благодаря своему упорству уже через семь месяцев смог перейти в «верхний» класс. В начале февраля 1784 г. его производят в капралы, через три месяца — в фурыеры, а еще через полгода — в сержанты. Его наставником в военно-математических науках был известный математик Верещагин, и Аракчев в такой степени воспользовался его уроками, что в чине сержанта был назначен преподавателем арифметики и артиллерии¹². Военный историк В.Ф.Ратч, собиравший материалы об Аракчеве, утверждает, что он свободно читал по-французски, говорил на этом языке, но выговор его был весьма «шершавым». По-немецки говорил довольно бегло, поскольку во время службы в гатчинских войсках ему часто

приходилось общаться с офицерами немецкого происхождения. В пользу того, что Аракчеев знал иностранные языки свидетельствует и тот факт, что некоторые из его корреспондентов писали ему по-французски.

Строгость и требовательность, которые особенно поощрялись в корпусе, позволили ему быстро завоевать авторитет среди ротных командиров, но товарищи видели в нем лишь «человека нестерпимого зверства», которое было вообще в духе того времени. Способный от природы, он олицетворял собой идеал кадета. В качестве особого поощрения он был освобожден от обязательных посещений занятий. «Вы чувствуете всю важность сего отличия и сей свободы, кою я вам доставляю, — пишет Мелиссино 4 апреля 1787 г., — для многих других сие бы послужило смертным ядом, которое обняло бы всю деятельность; для вас же сие послужит новым поощрением и доброе мое мнение о вас скоро совершенно оправдается»¹³.

В сентябре 1787 года в чине армейского поручика (далеко не все выпускники кадетского корпуса сразу получали этот или соответствующий ему чин подпоручика артиллерии) он по окончании курса наук был оставлен в корпусе преподавателем математики и артиллерии¹⁴. Кроме того, в его ведение была передана корпусная библиотека. Во время войны 1788—1790 гг. со Швецией ему было поручено обучение рекрутов артиллерийскому делу, что было в тех условиях весьма сложной задачей, поскольку требовало хотя бы элементарной грамотности. Аракчеев успешно справился с ней, прибегнув, между прочим, к составлению собственного учебного пособия — «Краткой артиллерийской записки в вопросах и ответах»¹⁵.

В 1789 г. по протекции Мелиссино Аракчеев попал в дом графа Н.И.Салтыкова, президента Военной коллегии, — в качестве учителя математики сыновей знатного екатерининского вельможи. Это позволило бедному подпоручику артиллерии несколько поправить свои материальные дела. Занятия протекали успешно, что не могло не способствовать участию Салтыкова в устройстве дальнейшей судьбы Аракчеева. Пользуясь его покровительством, он сумел добиться назначения на должность старшего адъютанта к Мелиссино, назначенного к тому времени инспектором всей артиллерии. Должность эта была престижной, к тому же она сразу давала чин капитана. 24 июня 1790 г. приказом, подписанным самим Г.А.Потемкиным, Аракчеев был назначен старшим адъютантом у Мелиссино и произведен в капитаны (по армии). Одновременно он продолжал преподавать в кадетском корпусе.

Осенью 1792 г. великий князь Павел Петрович обратился к Мелиссино с просьбой направить в гатчинские войска толкового артиллериста-практика. Тот назвал Аракчеева, поскольку, как видно из его писем, весьма благоволил к нему и таким образом попытался обеспечить его будущую карьеру. Расчеты его, по-видимому, строились на идентичности характеров великого князя и Аракчеева. Павел Петрович согласился, тем более что незадолго до этого присутствовал при стрельбе Аракчеева из мортиры и убедился в его искусстве и практических познаниях в области артиллерийского дела.

Новое назначение сыграло огромную роль в судьбе Аракчеева. Командуя артиллерией гатчинских войск (в начале ротой, а с 1795 г. полком), он сразу получил чин капитана артиллерии и вошел в круг лиц, близких к «малому двору» цесаревича. При этом Аракчеев прекрасно понимал, что придворная карьера ему не по плечу и его положение в обществе будет зависеть в основном от собственных деловых качеств и способностей, от умения точно и быстро исполнять желания наследника в отношении гатчинских войск. И надо отдать ему должное — он быстро усвоил свою задачу и принялся за ее исполнение с большим рвением и усердием. В светских беседах он старался не принимать участия, проявляя интерес к обсуждению только служебных проблем. Не имея связей и ощутимой поддержки, он тем не менее держался независимо и не втягивался в дворцовые интриги (этому правилу он следовал на протяжении всей жизни). Все его помыслы были сосредоточены на одном: угодить Великому князю.

По 12 часов в день не сходил он с плаца, не жалея ни себя, ни подчиненных; сурово наказывал солдат за малейшую оплошность, не давал спуска и офицерам. В сравнительно короткое время он привел гатчинскую артиллерию в образцовое состояние. Кроме командования артиллерией ему было поручено устройство школы юнкеров и прапорщиков. Он же составил и программу для нее, куда ввел чистописание, русский язык, арифметику, начала геометрии, артиллерию, тактику и фортификацию. В 1794 г. Аракчеев, сохраняя в своем ведении артиллерию и школу юнкеров, получил новое назначение — заведование хозяйственной частью гатчинских войск. В начале 1796 г. Аракчеев стал инспектором гатчинской пехоты, а также комендантом Гатчины. Тем самым в его распоряжение фактически оказались все гатчинские войска и сам город¹⁶.

Честолюбивое стремление выйти на первые роли, сознание своего превосходства в профессиональном плане заговорили в нем в тот мо-

мент, когда он соприкоснулся с высшими кругами общества. Еще недавно простой артиллерийский офицер, сын бедного дворянина, за девять лет до этого вынужденный с отцом просить милостыню на паперти (ожидая в Петербурге решения о зачислении Алексея в корпус, они прожили все деньги, не имея в столице ни родственников, ни друзей), он ухватился за открывшуюся возможность и не щадил сил. Привычка к точной и безукоризненной самоотверженной исполнительности была заложена в нем с детства и развита кадетским корпусом, и это способствовало его быстрому продвижению по гатчинской служебной лестнице. Позже он вспоминал об этом периоде своей жизни: «В Гатчине служба была тяжелая, но приятная, потому что усердие всегда отличалось, а знание дела и исправность в особенности. Наследник престола жаловал меня, но иногда и журил за неисправность других»¹⁷.

Впоследствии, уже будучи инспектором всей артиллерии, а затем военным министром, Аракчеев провел значительные реформы в армии и артиллерии, и многие идеи этих реформ были заимствованы из практики гатчинских войск, причем идеи эти принадлежали не самому Аракчееву, а великому князю. Дело в том, что еще до прихода Аракчеева гатчинская артиллерия (с 1786 г.) была сформирована и обучалась по новым правилам¹⁸. Кратко их суть сводилась к следующему: артиллерия выделялась в самостоятельный от армейских полков род войск и придавалась им только во время боевых действий, вводилась двухзвенная система комплектования: рота (12 стволов) — бригада; значительно (почти наполовину) уменьшались калибры, что привело к облегчению веса орудий, уменьшению лафета и повысило подвижность и маневренность войск. Эти основные положения легли в основу инструкции для артиллерии, написанной Аракчеевым в декабре 1795 г. и действовавшей вплоть до середины XIX в. В июне 1796 г. он был произведен в подполковники.

Из гатчинских войск впоследствии вышли хорошо подготовленные офицеры-артиллеристы, в обучении которых принимал участие и Аракчеев. Здесь же, в Гатчине, он познакомился с великим князем Александром Павловичем, который командовал одним из батальонов. Характерно, что в переписке Аракчеева с цесаревичем и его сыном ни разу не упомянуто имя Екатерины II, а наследник еще до ноября 1796 г. титуловался: ваше величество¹⁹.

Как только Павел стал императором, на Аракчеева посыпались особые милости: 8 ноября 1796 г. он был произведен в генерал-майоры, 9 ноября назначен командиром сводного гренадерского батальона

лейб-гвардии Преображенского полка, 13 ноября пожалован анненским кавалером и 12 декабря получил богатую Грузинскую вотчину в Новгородской губернии (более 2 тыс. душ крепостных). В день коронации Павла I, 5 апреля 1797 г., состоялось пожалование Аракчеева орденом Святого Благоверного князя Александра Невского и баронским титулом.

Достигнув столь высокого положения, он и теперь продолжал рассчитывать только на самого себя, не сближаясь ни с кем из высших сановников и пользуясь только покровительством императора, который высоко ценил его железную волю и крутой нрав, в чем они были весьма близки друг к другу. Возможно, что эти черты характера Аракчеева формировались под непосредственным влиянием Павла I. Насколько император доверял ему, видно из того, что Аракчееву были одновременно поручены три должности: коменданта Петербурга, командира лейб-гвардии Преображенского полка и генерал-квартирмейстера всей армии (с 19 апреля 1797 г.).

● Стиль деятельности Аракчеева хорошо вписывался в систему, которая насаждалась и поощрялась Павлом I: жесткая требовательность, холодность в обращении с сослуживцами, личное самоограничение и рвение по службе, требование крайних форм воинской дисциплины и внушение трепета. Вся его последующая деятельность проходила под знаком тех навыков, которые он усвоил, находясь в гатчинских войсках.

Суровость армейских порядков царствования Павла I отчасти коренилась в предшествующей эпохе. К концу царствования Екатерины II содержание, обучение и даже обмундирование личного состава стали во многом зависеть от полковых командиров, которые зачастую рассматривали вверенные им подразделения как источник дополнительных доходов. По свидетельствам современников, путем разнообразных махинаций с рекрутскими наборами (тысячи рекрутов, особенно те, кто был обучен ремеслам, попадали не в полки, а в поместья своих командиров), сдачей солдат в наем, «ремонт» лошадей и т.п., командир кавалерийского полка «зарабатывал» ежегодно до 25 тыс. рублей (при годовом жаловании до 1200 рублей). Все это не могло не отразиться на боеспособности армии. Но правительство Павла I не нашло иного способа поднять престиж русского оружия, помимо насаждения крайних форм палочной дисциплины и «военно-балетного» искусства в прусских традициях. Естественно, что все это вызвало негативную реакцию в военных кругах, особенно в гвардии, где соблю-

дение воинской дисциплины было больше исключением, чем правилом.

Выискивая даже мелочные упущения по службе, Аракчеев немедленно докладывал о них императору, зная при этом, что гнев последнего мог сломать карьеру и жизнь любого офицера или генерала. По меткому замечанию П.Глебова, в этом отношении Аракчеев опасался одного: «чтобы как-нибудь нечаянно не ошибиться и не воздать за вину менее, чем следовало»²⁰. Однако не сумел избежать царского гнева и он сам. Речь идет об известном в литературе конфликте с подполковником Леном — георгиевским кавалером, который был одно время оберквартирмейстером в войсках А.В.Суворова и прекрасно аттестовался П.А.Румянцевым-Задунайским. Оскорбленный Аракчевым, Лен попытался вызвать его на дуэль, но не застал его дома. Вернувшись к себе, он застрелился, оставив письмо с объяснением причин самоубийства. Павел I приказал доставить к нему это письмо и, убедившись в виновности Аракчеева, 1 февраля 1798 г. подписал приказ об увольнении генерал-квартирмейстера барона Аракчеева «в отпуск до излечения». Но 18 марта того же года он получил чистую отставку с производством в генерал-лейтенанты²¹.

Однако первая опала продолжалась недолго. Павел I нуждался в людях, подобных Аракчеву. В августе он был «прощен» и возвращен на службу, получив, кроме прежней должности генерал-квартирмейстера, еще и должность инспектора всей артиллерии (январь 1799 г.). 5 мая этого же года он был пожалован графским титулом, а в его герб император сам вписал девиз: «Без лести предан». В этот же день он был награжден орденом Св. Иоанна Иерусалимского. Но вскоре последовала вторая опала (октябрь 1799 — май 1803 г.), из которой возвратил его уже Александр I.

Все началось, казалось бы, с пустяка. В артиллерийском складе кто-то из солдат украл позумент со старинной гвардейской колесницы. Аракчеев должен был немедленно доложить о происшествии императору, но караул во время кражи нес батальон генерал-майора Андрея Аракчеева (они с Петром Аракчевым также закончили артиллерийский и инженерный шляхетский корпус), и брат попытался выручить его, сказав Павлу I, что охрана была якобы от полка генерал-лейтенанта Вильде, который и был немедленно отстранен от должности. Через И.П.Кутайсова Вильде сумел довести до императора правду, и 1 октября 1799 г. «за ложное донесение» оба брата были отправлены в отставку, причем Алексею Андреевичу было запрещено приезжать в

столицу²². Приказ был зачитан во время вахт-парада и вызвал всеобщую радость в армейских кругах: пошатнулась одна из опор бессмысленной железной дисциплины, которая изматывала своей педантичностью и жестокостью. Кроме того, гатчинцы, с которыми ассоциировался Аракчеев, влившись в старую гвардию, всегда вызывали у гвардейцев чувство презрения.

По воспоминаниям П.А.Тучкова, великий князь Александр Павлович, прибыв до начала развода на плац, подошел к нему и спросил: «А слышал ты об Аракчеве? И знаешь кто вместо него назначен?». Тучков ответил, что генерал Амбразанцев, «пожилой человек, может не так знает фронтную часть, но говорят, добрый и честный человек». «Ну, слава Богу, — ответил Александр Павлович, — эти назначения — настоящая лотерея, могли бы попасть опять на такого мерзавца как Аракчев»²³. К подобным свидетельствам необходимо относиться крайне осторожно, поскольку тот же Александр Павлович (трудно предположить такую крайнюю двуличность) спустя две недели после этого в письме к Аракчеву заверяет его в своей «непрестанной дружбе», которая «никогда не переменится». Само же письмо заканчивается словами: «Будь здоров и думай, что у тебя верный во мне друг остается»²⁴.

По свидетельству Н.И.Греча, Павел I незадолго до гибели вызвал Аракчеева в столицу, намереваясь вновь вернуть его к прежним должностям. Однако глава заговорщиков перетербургский генерал-губернатор П.А.Пален приказал накануне убийства, в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., никого не впускать в город, в том числе и Аракчеева, который был задержан на городской заставе. Греч утверждает, что если бы этого не случилось, «Павел сидел бы на престоле»²⁵. На подобной версии настаивает и известный историк великий князь Николай Михайлович: «Трудно себе представить, что произошло бы в ту трагическую ночь, если бы Аракчеву удалось вовремя предупредить катастрофу»²⁶.

Закончился первый, значительный период жизни графа Аракчеева — служба Павлу I, которая положила начало его последующей блестящей карьеры. Однако трудно согласиться с утверждениями, что в этот период он оказывал сколько-нибудь значительное влияние на формирование внутренней политики или хотя бы на процесс насаждения в армии прусских порядков. Тем более несправедливо называть его временщиком при Павле I: для этого он все-таки занимал довольно скромные должности. То был лишь фундамент последующей головокружительной карьеры, которая продолжалась без малого четверть ве-

ка. И еще одна деталь: отсутствуют какие-либо надежные свидетельства садистской жестокости Аракчеева по отношению к подчиненным. Да, была жестокость, педантичная требовательность. Но версия о выдергивании усов и избивании тростью перекочевала в историографию из небезспорных сообщений мемуаристов.

О грузинских годах жизни Аракчеева (1799—1803 гг.) известно мало. В свое уединении он практически не покидал имения, занимаясь его обустройством.

Село Грузино с ближайшими к нему деревнями во второй половине XVII в. принадлежало новгородскому Деревяницкому монастырю. Конфискованное в числе других монастырских вотчин, село Грузино в 1705 г. было отдано во владение князю А.Д. Меншикову, которому и принадлежало вплоть до его опалы. После этого (до конца XVIII в.) оно числилось в казенном ведомстве и благодаря небрежному отношению управляющих «пришло в великое запустение». В руки Аракчеева оно попало весьма случайно. Дело в том, что имения были пожалованы одновременно Аракчееву и петербургскому полицмейстеру Н.П. Архарову с правом выбора такового. Через некоторое время Павел I поинтересовался, какое имение выбрал Аракчеев и когда тот ответил, что затрудняется в выборе, спросил: «А что выбрал Архаров?» Узнав, что тот выбрал Грузино, повелел отдать его Аракчееву, заметив при этом, что Архаров плохого имения не выберет²⁷.

Первым делом, в 1800 г., был выстроен небольшой деревянный дом с шестью флигелями для прислуги. Затем начались коренные реформы в хозяйстве и быте крестьян. Сначала была создана вотчинная канцелярия, которая составила подробнейшие описи движимого и недвижимого имущества, как самого владельца, так и его крестьян. Количество посевов и сборов, уплата оброка и выполнение барщинных и других работ тщательно фиксировались в особых журналах. Принимая активное и деятельное участие в управлении имением, Аракчеев разработал целую серию инструкций и приказов, которые в историографии, как правило, ставятся ему в вину как средство крайней регламентации жизни крестьян. При этом не учитывается, что их менталитет требовал подобного попечительства, ибо всю новую информацию о мерах по улучшению хозяйства и быта они могли получить только от своего барина, и зачастую выполняли во многом дельные распоряжения только под сильным нажимом.

О том, что Аракчеев уделял большое внимание хозяйству и повседневной жизни крестьян свидетельствуют его многочисленные резо-

люции на различных документах вотчинной канцелярии. К сожалению, весьма значительная часть архива после его смерти была утрачена, но и по сохранившимся материалам, а также свидетельствам лиц, посещавших Грузино, можно судить, что Аракчеев сумел создать образцовое предпринимательское хозяйство, ориентированное на рынок, чему в немалой степени способствовала развитая сеть транспортных коммуникаций, а также близость крупнейшего потребителя сельхозпродукции — Петербурга. Упор при этом делался не на зерновое производство, которое обеспечивало лишь внутренние потребности, а на животноводство, как наиболее доходную отрасль сельского хозяйства для данной местности. Значительные доходы имение получало и от продажи леса.

Крестьяне имения состояли преимущественно на денежном оброке, который уплачивали частично за счет продажи сельскохозяйственной продукции, частично за счет отходничества. Лишь незначительная часть крестьян выполняла барщинные работы в виде отработок за недоимки и непогашение выданных Аракчеевым ссуд. В имении применялся труд, как правило, приходивших на заработки крестьян из Витебской губернии. Позже, в 1820 г., в имении был учрежден Заемный банк (для его основания Аракчеев безвозмездно выдал 10 тыс. рублей), который предоставлял крестьянам ссуды на приобретение скота (160 руб. на покупку лошади и 40 руб. — коровы), 150 руб. на постройку домов и т.п. С целью обслуживания нужд вотчины были построены мельницы, кирпичные заводы, лесопилы и т.п. Достаточно часто Аракчеев заключал договоры о выполнении его крестьянами различных казенных подрядов (например, постройка дорог, мостов, различных зданий). Часть полученных средств шла на пополнение капиталов Заемного банка, часть на погашение недоимок. Так, например, после постройки его крестьянами шоссе (25 верст), которое было оценено в 86.589 руб., он обратился в Комитет министров с просьбой получить из казны данную сумму, которую внес в 1817 г. в Государственную комиссию погашения долгов с тем условием, что проценты от нее должны поступать в счет уплаты государственных податей с грузинских крестьян. Данный поступок он объяснял тем, что «не мыслит о своем обогащении, но более всего заботится о благосостоянии крестьян, вверенных Богом и правительством его попечению»²⁸.

О том, что вотчина процветала и давала стабильно высокие доходы, говорит следующая статистика: в 1818 г. в ней насчитывалось 2368 душ, 650 дворов, 900 — 1000 работников, 20 — 30 семей торгующих

крестьян, до 70 человек мастеровых. Крестьянские хозяйства имели: 1500 лошадей, 4000 коров, 2700 овец. Крестьяне, имевшие землю на 2 души, обязаны были содержать не менее четырех, а на 3 души — шести коров²⁹. Заметим при этом, что Гатчинское имение великого князя Павла Петровича, по оценкам современников, также было хорошо организованным и рентабельным хозяйством. Возможно оно и послужило образцом для грузинской вотчины.

В нем строго контролировались не только полевые и общественные, но и домашние работы крестьян, их уход за скотом, промысловая деятельность и торговля, семейный быт. Любопытным памятником такой попечительности были разработанные Аракчевым «Правила о свадьбах», согласно которым богатые невесты и женихи должны были искать себе пару в бедных семействах. Это делалось для того, чтобы нивелировать имущественное состояние крестьян. Необходимо отметить, что у Аракчеева были весьма специфические взгляды на брак: главная его цель — появление физически крепкого и нравственно выдержанного потомства. Поэтому он обращал серьезное внимание своих крестьян на вопросы ухода за новорожденными, напечатав для этого «Краткие правила для матерей-крестьянок Грузинской вотчины». Эти правила в доступной форме излагали гигиенические требования по уходу за младенцами, их кормлению и воспитанию. Контроль за выполнением этих и подобных им правил возлагался на сельскую администрацию.

Но особой страстью графа было строительство. Прежде всего, крестьяне были переселены на более удобные места и строиться они должны были по специально разработанным планам. К 1826 г. в имении насчитывалось 32 деревни, но, по признанию самого Аракчеева, «их было более, и он все перестроил по планам»³⁰. Избы в деревнях обшивались и покрывались тесом с обязательной покраской. В самом Грузине крестьянские дома строились из кирпича и покрывались железом. Здесь же была выстроена больница для бесплатного лечения жителей. Одновременно шло осушение болот, строительство прочных мостов и дорог с твердым покрытием, которыми были соединены все деревни имения.

Современников поражали результаты хозяйственной деятельности Аракчеева. Грузино и вся местность, входившая в состав графского имения в корне изменились. Деревни с регулярной застройкой, с садами в промежутках между избами, стали скорее походять на немецкие колонии, нежели на русские селения. Вязкие и колеистые про-

селки уступили место превосходным дорогам «гладким как пол, обсаженным по бокам деревьями». На месте прежних болот были окультуренные луга; где раньше были пустоши с камнями и кочками, там простирались отлично возделанные пашни. И крестьянин выезжал на эту пашню на здоровой лошади с исправной сохой и бороной. Благосостояние крестьян значительно повысилось. И несмотря на то, что крестьяне не любили своего строгого барина (а еще больше им не нравились введенные им строгие порядки), но, мало-помалу, начинали сознавать, что эти порядки изменяют их быт к лучшему и приносят существенную пользу³¹. Возможно поэтому в их воспоминаниях, относящихся ко второй половине XIX в., образ Аракчеева выглядит гораздо человечнее, чем в мемуарах и записках современников-аристократов. Так, например, наряду с воспоминаниями о «суровых взысканиях» Аракчеева, что «строг был немилосердно», крестьяне отдают ему справедливость в том, что «многому добруму научил»³². Существуют и весьма осторожные отзывы о положении грузинских крестьян. «И при всех этих нескончаемых выгодах, — пишет один из близких к графу сотрудников по военным поселениям полковник Е.Ф.фон Бракке, — сельское население чувствовало себя очень несчастным: деспотический характер графа ставил крестьянина в положение, которое не согласовывалось с его бытом. Вообще все внутреннее и внешнее управление сопровождалось неумолимой строгостью и обременительной любовью к порядку»³³.

Одновременно с благоустройством вотчины начались грандиозные работы по строительству самой усадьбы. Прорывались пруды и каналы, сносились пригорки, насыпались острова и «горы», строились плотины, высаживались аллеи. Сад возле графского дома украшался гротами и беседками, прудам придавалась извилистая форма, островки, разбросанные по ним, соединялись с берегом причудливыми мостиками. При этом соблюдалась регулярность и определенный вкус.

В 1806 г. между деревянным домом и церковью был выстроен весьма обширный каменный дом с бельведером в стиле позднего классицизма (архитектор — А.И.Минут; по его проектам были выполнены большинство построек в имении). На внутреннюю его отделку граф не жалел средств и приглашал для этой цели лучших художников и мастеров. В парадном зале был выставлен портрет Павла I, возле которого находилась роскошная витрина, в которой хранились собственноручные записки и рескрипты императора Павла I Аракчеву. Напротив портрета располагался весьма изящный бюст Павла, работы И.П.Мартоса.

Следует заметить, что одной из примечательных черт характера Аракчеева было глубокое, искреннее почтение старшим и признательность всем, кто когда-либо сделал ему добро, оказал внимание и поддержку. Особенно ярко эта черта проявилась в стиле украшения дома и сада. Так, например, в одном из уголков сада была воздвигнута искусственная «руина», покрытая мхом и травой и посвященная памяти Меншикова; под сводами этой руины находился его бюст. В другом углу сада, на одном из островов пруда была построена каменная беседка в память о Мелиссино.

Одной из достопримечательностей Грузино была построенная в 1805—1806 гг. церковь во имя Святого Апостола Андрея Первозванного (согласно легенде, он водрузил на месте Грузино свой животворящий крест), которая в апреле 1811 г. была «наименована собором». Это была единственная в империи соборная церковь, расположенная в частном имении. По одну сторону иконостаса располагался памятник Павлу I (у его подножия, по проекту Мартоса, еще при жизни Аракчеева был сооружен для него склеп), по другую — был воздвигнут памятник офицерам гренадерского графа Аракчеева полка, погибшим в 1812—1814 гг.

Ведя уединенный образ жизни, он почти никуда не выезжал из имения и мало с кем переписывался. Одним из его немногих корреспондентов оставался Александр Павлович, сообщавший в письмах как о государственных, так и о личных делах, хотя и не поспешивший возвратиться его из ссылки, когда стал императором.

Преданность Аракчеева Павлу I и его идеям не вызывает сомнения. Но что же сблизило его с Александром I, который значительно отличался и от своего отца, и от Аракчеева как воспитанием, так и образом мыслей и приемами государственной деятельности? Был ли Аракчеев искренен в этих отношениях? В чем был смысл этого союза? Ответы на эти вопросы заключаются во многих конкретных обстоятельствах их сотрудничества. Александра и Аракчеева очень сближала, например, страстная привязанность к армии, с ее строгими порядками, экзерцициями и вахтпарадами. Аракчеев всегда умел тонко улавливать настроения и желания своих покровителей, никогда не противоречил, умело сдерживал свои чувства. Определенная прямолинейность Аракчеева вполне устраивала императора, который был достаточно искусным мастером тонкой интриги. Кроме того, Александр I, еще будучи великим князем, а затем наследником, получал от него существенную помощь: Аракчеев играл роль буфера между отцом и сы-

ном, которого Екатерина прочила в наследники, и это, естественно, не могло не наложить отпечаток на их взаимоотношения. Но когда Павел предложил Аракчееву следить за Александром как за «бабушкиным баловнем», то встретил категорический отказ.

23 апреля 1803 г. Александр I посылает Аракчееву короткую записку: «Алексей Андреевич! Имея нужду видеться с вами, прошу приехать в Петербург»³⁴. 14 мая он был принят на службу с назначением на прежнюю должность инспектора всей артиллерии, то есть, не выходя сразу на политическую авансцену, занятую участниками «негласного комитета», ведает только специфическими вопросами устройства и функционирования артиллерии. В кампанию 1805 г. Аракчеев находился в свите императора. Но когда в разгар боя при Аустерлице Александр I предложил ему командовать одной из колонн, он, сославшись на расстроенные нервы, решительно отказался и после этого ни разу не принимал участия в боевых действиях (недаром в его формулярном списке имеется запись о неучастии в походах и сражениях). Большинство современников и исследователей полагают и полагают, что боевого генерала из Аракчеева не получилось из-за его патологической трусости.

В ту романтическую эпоху многие генералы и офицеры искали «поля брани». А вот Аракчеев в апреле 1812 г. писал брату Петру: «Но беспокоит меня то, что... велют мне ехать и быть в армии без пользы, а, как кажется, только пугалом мирским, и я уверен, что приятели мои употребят меня в первом возможном случае там, где иметь я буду верный способ потерять жизнь»³⁵. Сам он успокаивал и оправдывал себя тем, что свой удел видел не в командовании войсками на поле боя, а в военно-административной деятельности. И позже, в 1812—1814 гг., даже в составе императорской гвардии он не рисковал появляться на позициях. Вероятно, поэтому он и не принял чин фельдмаршала, который был пожалован ему наряду с Барклаем де Толли в марте 1814 года³⁶. Ведь, поступи он иначе, это означало бы вызов общественному мнению, поэтому печатные экземпляры указа по приказанию Аракчеева были немедленно уничтожены. Но все это не помешало дальнейшей дружбе и сотрудничеству с Александром, которого, напротив, в трусости упрекнуть было трудно. Более того, 27 июня 1807 года Аракчееву был пожалован чин генерала от артиллерии с назначением состоять при императоре «по артиллерийской части» и с правом издавать от его имени указы, касающиеся артиллерии³⁷. Именно тогда и начались те радикальные преобразования в артиллерии, которые сыграли свою

роль в успешном исходе Отечественной войны и во время заграничных походов.

После заключения Тильзитского мира Александр I попытался путем замены отдельных должностных лиц сгладить впечатление от очевидных неудач во внешней политике. В январе 1808 года Аракчеев стал военным министром и генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии (последнюю должность исполнял до 1819 года, т.е. до фактического вступления на нее генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича). Он согласился занять эти должности при условии значительного расширения полномочий военного министра, вплоть до подчинения ему главнокомандующих армиями. Требуя единоличных докладов императору по военному ведомству, Аракчеев пытался не допустить какого-либо соперничества своему влиянию на Александра I.

Естественно, что столь неожиданный для многих взлет Аракчеева вызвал бурю негодований со стороны сановников-аристократов, оттесненных им на второй план. Таким образом, Александр I является в своих отношениях к Аракчеву не жертвой безотчетного увлечения его личностью (как полагали многие современники, а позже некоторые исследователи), а, наоборот, господином, сознательно употреблявшим Аракчеева в качестве орудия для исполнения своих планов. Когда Александр I был наследником, Аракчев был ему нужен, чтобы заслониться от отца, а когда сам начал царствовать, то приближал к себе Аракчеева всякий раз, когда считал необходимым заслониться им от своих подданных³⁸. Возвышение Аракчеева — жесткого, точного и волевого исполнителя — было ответом на недовольство общества условиями Тильзитского мира, участием в континентальной блокаде, унижавшими чувство национального достоинства.

1806—1810 гг. — период первого возвышения Аракчеева. Оно происходило параллельно с возвышением М.М. Сперанского, что отражало нарастание политических затруднений в связи с проявлениями кризисных явлений в социально-экономической области. Но в тот период возможности системы бюрократического централизма не были исчерпаны, и определенные паллиативные меры давали результаты. Тем более, что Аракчев сумел быстро задействовать положительные стороны бюрократической машины: оперативность и четкость в исполнении поставленных задач. За два года (до января 1810 г.) военный министр сумел провести ряд значительных преобразований, особенно в комплектовании и обучении строевого состава. По его проектам бы-

ли созданы рекрутские депо для начальной подготовки рекрутов перед отправкой в линейные части, а также учебные карабинерные полки для обучения унтер-офицерского состава и музыкантов. В армии была окончательно введена дивизионная организация. Военная коллегия получила право самостоятельно решать многие вопросы, было издано новое положение о медицинской экспедиции, преобразован инженерный департамент, появилась должность дежурного генерала, в значительной степени освободившая военного министра от необходимости вникать во всевозможные мелкие дела.

Особенно много было сделано в артиллерии. По новому штатному расписанию артиллерия получила более совершенную структуру и мобильность; вводились экзамены для фейерверкеров, юнкеров и обер-офицеров (до поручика включительно) при занятии тех или иных строевых должностей, совершенствовались учебные занятия и боевые стрельбы³⁹. Большое значение придавалось материально-техническому обеспечению артиллерии: принимались на вооружение новые калибры пушек и системы их наводки, вводились усовершенствования на оружейных арсеналах и Охтенском пороховом заводе, принимались меры по бесперебойному снабжению артиллерийских подразделений орудиями, боеприпасами, лошадьми, фуражом, провиантом и т.д.⁴⁰ Необходимо отметить, что Аракчев очень интересовался техническими новинками и был всегда в курсе дела по этой части. При создании военных поселений, например, по его предложению в ряде округов были построены паровые лесопильные заводы, механические прачечные в госпиталях, а на оз. Ильмень и р. Волхов с 1819 г. появился буксирный пароход для перевозки строительных материалов. С 1825 г. начались регулярные пассажирские рейсы двух пароходов от Старой Руссы до Новой Чудовской дороги⁴¹. В бытность военным министром Аракчев написал несколько статей по вопросам технологии изготовления пороха, селитры и выполнения боевых стрельб; при его непосредственном участии был создан Военно-ученый комитет и начат выпуск «Артиллерийского журнала».

Все эти мероприятия позволили в короткий срок почти полностью реорганизовать всю артиллерию, которая получила новые образцы полевых, осадных и крепостных орудий. Была значительно увеличена подвижность и маневренность артиллерийских подразделений, что существенно подняло их боеспособность. Разработаны новые наставления ее по боевому применению, взаимодействию с другими родами войск. Здесь большую помощь Аракчеву оказали талантливые офи-

церы-артиллеристы А.И.Кутайсов и Л.М.Яшвиль, а впоследствии и А.П.Ермолов⁴². О заслугах Аракчеева красноречиво свидетельствует и «Полное Собрание Законов Российской Империи» (т. XXVIII — XXX), где собраны важные постановления за 1804—1808 гг., касающиеся артиллерии.

В период войны 1805—1807 гг. с наполеоновской Францией обнаружилось многочисленное злоупотребление в русской армии, особенно в поставках обмундирования, снаряжения, продовольствия и лошадей. Аракчеев начал бескомпромиссную борьбу за искоренение этого зла. Многие его инспекционные проверки заканчивались суровыми приговорами в отношении казнокрадов. Деятельность Аракчеева была высоко оценена императором: он получил право принимать на службу и увольнять по своему усмотрению чиновников комиссариатского и провиантского департаментов до шестого класса включительно. В знак особого отличия 30 августа 1808 г. Александр I приказал переименовать Ростовский мушкетерский полк в полк имени Аракчеева (с 27 января 1811 по 28 апреля 1834 г. — гренадерский графа Аракчеева полк). Чтобы показать Аракчееву, да и всему обществу, его значимость в глазах императора, он в своих письмах «награждает» его титулом «своего верного друга», после чего Аракчеев, в свою очередь, в ответных письмах непременно называет себя «верным верноподданным»⁴³.

Аракчеев руководил военным ведомством по существу в условиях военного времени, поскольку в это время Россия вела войны с Персией, Османской империей, Швецией, Австрией и — фактически в результате участия в «континентальной блокаде» — с Англией. Наиболее значительной была роль Аракчеева в русско-шведской войне 1808—1809 гг. и не только в области материального обеспечения войск, но и в непосредственном воздействии на ход боевых операций. Как известно успешное продвижение русских войск к концу 1808 г. приостановилось. По инициативе императора в Военном министерстве был разработан план взятия Стокгольма в результате перехода войск по льду Ботнического залива. Командующий действующей армией Б.Ф.Кнорринг, главная квартира которого находилась в Або, а также командиры корпусов М.Б.Барклай де Толли и П.А.Шувалов возражали против такого перехода, ссылаясь на слабую материально-техническую обеспеченность войск. Настаивал на проведении данной операции только командир корпуса П.И.Багратион.

В трудных условиях зимнего времени Аракчееву удалось в короткий срок пополнить запасы продовольствия, снаряжения и вооруже-

ния, однако и после этого его поддержал лишь Багратион. Только настойчивость военного министра заставила Кнорринга и Барклай де Толли предпринять переход и тем самым решить исход всей кампании и судьбу Финляндии. По окончании военных действий Аракчееву были пожалованы «знаки ордена Андрея Первозванного», а чтобы ему было «приятнее их носить», император послал свои собственные. Но тот решительно отказался, мотивируя это тем, что непосредственного участия в военных действиях не принимал. Однако Александр I нашел другой способ отметить его заслуги: «В воздаяние ревностной и усердной службы военного министра графа Аракчеева, — говорилось в указе от 7 ноября 1809 года, — войскам отдавать следующие ему почести и в местах пребывания Его Императорского Величества»⁴⁴.

Заканчивался первый взлет карьеры Аракчеева, совпавший с периодом Тильзитского мира. Второй раз его звезда достигнет зенита в эпоху Священного союза. В промежутке Аракчеев как бы теряет на втором плане, хотя это и не означает ослабление его влияния. Исчезают только внешние признаки его сильного воздействия на ситуацию. Причина, видимо, заключается в том, что к 1810 г. он в целом выполнил возложенную на него миссию — навел в армии более или менее надлежащий порядок. В период же военных действий 1812—1814 гг. он не мог выдвинуться на политическую авансцену, поскольку война требовала несколько иных качеств. Александр I был тогда популярен в армии и в народе и не очень нуждался в щите в виде Аракчеева и его методов управления.

Это, так сказать, внешние атрибуты. А в чем же заключались внутренние, потаенные причины «охлаждения» императора к Аракчееву? Предприняв попытку некоторых реформ по проектам Сперанского, Александр I одновременно проводит при помощи Аракчеева политику «подтягивания общества». Предполагалось, что оба государственных деятеля смогут успешно выполнять свои задачи, не мешая, а, наоборот, дополняя друг друга. Но тщеславие Аракчеева не позволяло ему смириться с тем, что реформы готовились от него втайне и он вынужден был делить расположение и покровительство императора со Сперанским, который явился не только исполнителем, но и творчески развивал планы государя. При этом Аракчеев достаточно трезво оценивал свои возможности, отзываясь о своем сопернике следующим образом: «Если бы у меня была треть ума Сперанского, я был бы великим человеком»⁴⁵. Но в 1810 г. «единовластие» Аракчеева не устраивало императора. Возможно, тут повлияло усиление при дворе партии графа

Н.И.Салтыкова и князя А.Н.Голицына, особенно ненавидивших военного министра.

Аракчеев уехал в Грузино, послав императору довольно резкую просьбу об отставке. Ссылаясь на недостаток образования он называет себя «ремесленником» в военном деле, но главный упор делает на то, что «при вновь заводимых учреждениях (по реформам Сперанского — К.Я.) потребуются более... просвещенные министры»⁴⁶. Александр I сумел несколько сгладить конфликт, сыграв на слабости Аракчеева: его обидчивость идет-де вразрез с его постоянными уверениями в безграничной и беззаветной личной преданности императору, он «предпочитает пользе империи свое мнимо затронутое честолюбие»⁴⁷. Ему был предоставлен выбор: остаться на посту военного министра или возглавить Военный департамент только что созданного Государственного совета. Аракчеев выбрал последнее, поскольку все дела по военному ведомству должны проходить через его руки. По рекомендации Аракчеева на пост военного министра был назначен М.Б.Барклай де Толли. Примирение завершилось императорским посещением летом 1810 г. Грузинской вотчины⁴⁸. Ее экономическое состояние настолько поразило и удивило Александра I, что многие принципы ее организации и функционирования позже были перенесены в военные поселения. Можно также предположить, что именно в ходе поездки вызрел вопрос о пробном эксперименте по созданию военных поселений в Могилевской губернии, осуществление которого началось буквально несколько месяцев спустя.

Падение Сперанского не повлияло на положение Аракчеева. Прямых свидетельств его участия в коалиции против Сперанского нет, но, вероятнее всего, Александр I советовался с ним, прежде чем отправить Сперанского в ссылку. Аракчеев оставался в числе участников совещаний, происходивших у императора в 1811 — начале 1812 года. В мае 1812 г. он сопровождает его в поездке в Вильно, а после начала военных действий — в укрепленный лагерь при Дриссе. «Июня 17-го дня 1812 г., — записывает Аракчеев, — в городе Свенцянах призвал Государь меня к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с онаго числа вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления Государя Императора»⁴⁹.

Из переписки Аракчеева с императором периода Отечественной войны (сохранилось более 80 писем) видно, что Александр I часто советовался с ним. Это позволило великому князю Николаю Михайло-

вичу утверждать, что Аракчеев «исполнял должность почти единственного секретаря Государя во время Отечественной войны»⁵⁰. Действительно, многие источники свидетельствуют, что Аракчеев был единственным докладчиком у Александра I по вопросам управления и снабжения армии. А.А.Кизеветтер справедливо отмечает, что «война 1812 г. выдвигала Аракчеева на первый план, возвышала его над всеми партиями и кружками, как личного телохранителя царя. И Аракчеев отлично понял ту позицию, которая теперь сама давалась ему в руки, как исходная точка дальнейшего возвышения его карьеры»⁵¹. Именно Аракчеев, совместно с А.Д.Балашовым и А.С.Шишковым, выполнил весьма деликатную миссию — уговорил императора покинуть действующую армию, а затем через Смоленск и Москву сопровождал его в Петербург. Аракчеев довольно активно поддержал кандидатуру М.И.Кутузова на пост главнокомандующего. Впоследствии, будучи в составе императорской квартиры, вместе с теми же Балашовым и Шишковым, «составили Комитет», который занимался пополнением войск, формированием народного ополчения, а также вопросами артиллерии.

В период военных действий 1812—1814 гг. влияние Аракчеева на формирование внутренней политики постепенно набирает силу. Новое возвышение опять не было связано с каким-либо участием Аракчеева в многочисленных придворных группировках. По свидетельству А.И.Михайловского-Данилевского, в тот момент, когда Москва находилась в руках неприятеля, Александр I никого, кроме Аракчеева, к себе не допускал. Но и в период Священного союза он преимущественно оставался только безупречным исполнителем воли императора — будь то проект освобождения крестьян или создание военных поселений. Теперь, правда, ему удалось устранить любое мало-мальски сильное влияние на Александра I со стороны других сановников. О «всевластии» же Аракчеева в последние десять лет царствования Александра I можно говорить лишь со значительными оговорками. Сила Аракчеева заключалась в обладании и умелом использовании бюрократических рычагов государственного аппарата, но «генерировать идеи» он не мог, хотя и был далеко не глупым человеком. Аракчеев прекрасно осознавал это и был убежден, что каждый должен заниматься только тем делом, которое ему по плечу. Окончательные решения, особенно по глобальным вопросам, всегда оставались за императором. Аракчеев был неплохим психологом и умело учитывал специфические черты характера Александра I, у которого переходы от одного состояния к другому были достаточно резкими. Увлечение импе-

ратора мистицизмом также не могло не сказаться на выборе ближайшего окружения.

После взятия Парижа, перед тем как расстаться (Александр I уезжал в Англию, а Аракчеев получил отпуск для лечения), они обменялись письмами, в которых заверили друг друга в безграничной любви и преданности. На обратном пути в Россию император еще раз встретился с Аракчевым в Кельне, что вновь свидетельствует о его потребности в частых консультациях с первым «визирем» империи.

В начале августа 1814 г. император вызвал Аракчеева из Грузии. Ему было поручено заняться разбором прошений, поданных генералами и офицерами — участниками войны, в основном о вспомоществовании. Фактически же круг ведения дел был гораздо шире. Все материалы, касающиеся государственного устройства и управления, рассматривались и готовились ко всеподданейшему докладу только канцелярий Аракчеева. Через него шли представления всех министерств, а нередко даже «мнения» Государственного совета. По этому поводу Н.М. Карамзин тонко и точно заметил: «У нас теперь только один вельможа — граф Аракчеев». В августе 1818 г. гр. Аракчеев, несмотря на сопротивление министра финансов графа Д.А. Гурьева, был назначен руководителем канцелярии Комитета министров и тем самым получил официальную возможность оказывать влияние на важнейшие государственные решения.

Разлад Александра с общественным мнением и особенно с армией после окончания военных действий, вызванный нежеланием правительства проводить либеральные реформы, до известной степени породили некоторые черты внутренней политики периода Тильзитского мира. Но в данный момент не было Сперанского, и ставка была сделана только на «твердую руку» Аракчеева. Вновь прикрываясь им, как щитом, Александр I попытался оградить свое имя от общественной критики и направить ее на непосредственного исполнителя своих решений, и это ему в определенной степени удалось. «Аракчевщиной» историки, писатели и публицисты нередко склонны называть деяния только самого Аракчеева, не вдаваясь в детальный анализ того, кто же направлял его руку. Хотя уже многие современники догадывались, что «если предначертания на внутреннее благоустройство государства исходили от императора, то подробности этих предначертаний устраивались Аракчевым, а потому на нем одни и должны были сосредоточиваться толки многоречивые». В связи с этим Н.И. Шениг справедливо причисляет Аракчеева к кругу государственных деятелей, на которых

«сосредотачиваются многоречивые толки современников и безмолвное внимание потомков»⁵². Эти «толки» были вызваны прежде всего ведущей ролью Аракчеева в создании военных поселений — государственного института, особенно ненавидимого многими современниками. Зная его талант организатора, Александр I именно ему доверил это дело, когда тот ушел с поста военного министра, и его энергия во многом оказалась невостребованной. А в 1815—1816 гг., когда решался вопрос о массовом поселении войск, Аракчеев был уже опытным специалистом в решении принципиальных организационных вопросов.

После войны экономика России оказалась в крайне тяжелом положении: районы боевых действий подверглись разорению, сократилась торговля, переживала кризис финансовая система. Поскольку страна не могла провести даже частичную демобилизацию армии, перейдя к всеобщей воинской повинности, на ее содержание приходилось тратить львиную долю бюджета. Среди европейских держав Россия в это время занимала одно из ведущих мест как по абсолютной величине военных ассигнований, так и по их доле в государственном бюджете⁵³. В стране один военнослужащий приходился на 45 жителей (списочный состав армии — около 1 млн. человек, численность населения — около 45 млн. душ обоего пола). В Англии это соотношение составляло 1:140, во Франции — 1:110, Австрии — 1:100, Пруссии — 1:68⁵⁴.

Кроме прямых бюджетных ассигнований содержание армии, особенно в постоянной повинности, тяжелым бременем ложилось на плечи народа. Переход же на постоянное расквартирование войск, т.е. на казарменное положение, был в тот период также невозможен, поскольку потребовал бы огромных единовременных финансовых и материальных затрат. Кроме того, внешнеполитическая обстановка диктовала необходимость реорганизации армии с увеличением ее численности путем создания обученного резерва. Сохранение рекрутских наборов вызывало недовольство и протест со стороны крестьянства, подрывало производительные силы страны, лишая помещиков значительного количества рабочих рук. Нужен был такой выход, который бы, не затрагивая социально-политическую основу государства, способствовал удешевлению содержания и более мобильному комплектованию армии. Стремясь разрешить хотя бы часть этих проблем, Александр I предложил вернуться к идее военных поселений, которая начала осуществляться в 1810—1812 гг. поселением запасного батальона Елецкого пехотного полка в Могилевской губернии⁵⁵.

Обсуждение вопроса происходило около первой половины 1816 г.

в очень узком кругу, куда, кроме императора, входили Аракчеев, Ермолов, генерал-лейтенант И.О.Витт и чиновник собственной е.и.в. канцелярии И.Ф.Самбурский, без обсуждения в каком-либо правительственном органе. Александр I предлагал поселить войска по примеру казачьих полков вдоль западной границы. Аракчеев энергично возразил: трудно, мол, ожидать со стороны западных государств «хищнических набегов, каким в старину подвергались казаки, поселенные на границе», а следовательно, в такого рода поселениях будет преобладать сельский элемент в ущерб военному⁵⁶.

После длительного обсуждения было решено поселить пехоту возле Новгорода, а кавалерию — на Украине. При этом Ермолов предложил ввести военные поселения без громкой огласки и, назначив войскам постоянные квартиры, предоставить им полную свободу «сливаться с населением страны». Под давлением Аракчеева такой вариант был отвергнут и принято решение о создании замкнутой военно-земледельческой единицы в виде округа поселения отдельного пехотного или кавалерийского полка⁵⁷. В случае успешной реализации новая система должна была значительно сократить государственные расходы на содержание армии, ликвидировать рекрутские наборы в мирное время и тем самым облегчить экономическое положение в стране. Создание зажиточного военно-земледельческого сословия расширило бы социальную базу самодержавия. К тому же, казалось, это обеспечивало надежное прикрытие границ и сокращало передислокацию войск в случае военных действий. Вполне конкретного плана, однако, выработано не было, были определены только основополагающие принципы, сам он формировался в ходе реализации идеи.

Начало ее осуществления было положено созданием округов пехоты в Новгородской губернии. К 1831 г. там были развернуты поселения Гренадерского корпуса с артиллерией (без 3-ей гренадерской дивизии), в Могилевской и Витебской губерниях — двух саперных бригад, в Петербургской — Охтенского порохового завода, в Слободско-Украинской — 2-го, в Харьковской и Екатеринославской — 3-го резервных кавалерийских корпусов. Округами было занято 32 тыс. кв. верст, в них проживало более 573 тыс. душ обоего пола (без учета состава действующих батальонов и эскадронов). В процентном отношении поселенные войска едва ли достигали десятой части всего состава армии⁵⁸, что в три раза меньше тех показателей, которые приняты в историографии данной проблемы.

В составлении в 1817–1818 гг. основного нормативного докумен-

та — «Учреждения о военном поселении» — Аракчеев принимал самое деятельное участие. В управлении военными поселениями чисто военные функции (боевая подготовка войск) сочетались с хозяйственными (организация строительных и мелиоративных работ, транспорта, промышленности и сельского хозяйства). Вначале были созданы низовые органы управления: полковые и ротные комитеты. Среднее звено и центральный аппарат были сформированы несколько позднее. Объясняя причины этого, Аракчеев писал в 1821 г. императору: «Я с намерением отлагал оное, дабы из опытов двухлетнего производства дел посредством штаба почерпнуть правила, сообразные действиям сего управления, столь же нового, как и обширного и многосложного»⁵⁹.

Вначале ввиду большого объема операций по закупке материалов и инструментов был учрежден Экономический комитет военных поселений, независимый от «других учреждений и лиц» и подчиненный только Аракчееву: даже Главный штаб не вмешивался в его управление. Такая автономия была возможна лишь в связи с особым положением Аракчеева в государственном аппарате. Именно это заставляло все министерства и главные управления всемерно содействовать новому делу поставками материалов и рабочей силы.

Свой талант практика Аракчеев направил на устройство и развитие системы военных поселений, вкладывая всю энергию, опыт и волю в реализацию фантастического проекта Александра I. Будучи сам человеком крайне пунктуальным, Аракчеев требовал исполнительской дисциплины от своих подчиненных. Все это в совокупности с его властью над бюрократическим аппаратом позволило ввести в практику военных поселений некоторые элементы планирования. Недаром П.Г.Щебальский видел в военных поселениях огромные военно-рабочие коммуны, где «человек переставал принадлежать себе и становился вещью той коллективной единицы, которую Фурье называл фаланстерой, а Аракчеев военным поселением». Сам же Аракчеев, по его мнению, был первым в России «сановным коммунистом»⁶⁰.

К руководству поселениями Аракчеев старался привлекать как можно больше талантливых людей: инженеров, архитекторов, художников, механиков. В разные годы в руководящие органы поселений входили М.М.Сперанский, Г.С.Батеньков, В.П.Стасов, Л.Л.Карбоньер, Л.Руско и другие. Г.С.Батеньков в своих показаниях во время следствия по делу декабристов сообщал об Аракчееве и Сперанском как «людях необыкновенных». «Служа при графе, — писал он, — я чувствовал сильное его влияние на мой нрав. Оно обнаруживалось: 1) реши-

тельностью в поступках, 2) пристрастием к формам, 3) точностью и подробностью рассмотрения дел, 4) вспыльчивостью и некоторой грубостью в обращении, чего я был прежде совершенно чужд». Батеньков также утверждает, что на базе военных поселений Аракчеев хотел создать национальную гвардию⁶¹.

Будучи честным человеком и никогда не путая личный карман с государственным, он очень жестко относился ко всякого рода злоупотреблениям по службе и настаивал на суровом покарании провинившихся, не взирая на чины и звания. Так, например, рассматривая дело о злоупотреблениях в округах Полоцкого и Елецкого пехотных полков в 1812 году, он приказал снять с занимаемой должности своего любимца бригадного командира полковника Ф.Л.Насекина, стоявшего у истоков создания военных поселений в Могилевской губернии накануне 1812 г.

Самым тяжким обвинением Аракчееву в историографии является обвинение в чрезмерной жестокости по отношению к личному составу поселений. Анализ подтвержденных им военносудных дел свидетельствует, что как правило, он снижал меру наказания для солдат и увеличивал для офицеров. Хотя он и не был воспитанником суворовской школы, но постоянно подчеркивал, что основой армии является солдат и заставлял командный состав заботиться о снабжении и здоровье подчиненных.

В феврале 1821 г. все войска, подчиненные Аракчееву, были сведены в отдельный Корпус военных поселений, включавший, кроме собственно войск, имевших округа поселения, также подразделения, использовавшиеся на строительных и мелиоративных работах и считавшихся в командировке по армии. В марте того же года был создан ряд руководящих органов (штаб корпуса, Совет Главного над военными поселениями начальника), потребовавшихся ввиду сложности и новизны дела и необходимости коллегиальных решений по таким вопросам, как рассмотрение новых проектов, покупка крупных имений, составление годовых планов и смет. Решения Совета обретали силу только после визирования их Аракчеевым и утверждения императором.

Попытка облагодетельствовать солдат и крестьян путем введения казарменных методов хозяйствования сразу натолкнулась на их отчаянное сопротивление, выливавшееся в бунты. Практически весь хозяйственный уклад в районах дислокации военных поселений, особенно в Новгородской губернии, был радикально изменен. До этого зна-

чительное количество крестьян было втянуто в товарно-денежные отношения, перейдя же в разряд поселян-хозяев, они практически лишились связей с рынком и вместо этого обязаны были содержать солдат действующих батальонов и эскадронов. Объективно государство было заинтересовано в создании зажиточного поселянского хозяйства, но используемые крайние формы принуждения (насильственное прикрепление поселян к земле, лишение их права заниматься торговлей, отходничеством и промыслами, регламентация многих сторон жизни) приводили к разорению. Только радикальные реформы военных поселений, проведенные правительством Николая I в конце 20-х — начале 30-х гг., позволили сделать их более или менее рентабельными.

Исходя из господствовавшей тогда теории «полицейского государства», Аракчеев был искренне убежден, что каждый в государстве должен заниматься возложенным на него делом: крестьянин — выращивать хлеб, купец — торговать, чиновник — управлять. Поэтому крестьянин никак не может заниматься торговлей, отвлекающей его от основного рода деятельности. К тому же граф смотрел на военные поселения как на любимую игрушку императора, отдавая поэтому предпочтение форме. Примечательно, что в их переписке последних семи лет нет практически ни одного письма, где бы не упоминались военные поселения. Главным же козырем Аракчеева были финансы военных поселений: к концу царствования Александра I на их счетах находилось порядка 26 млн. руб., которые были накоплены режимом экономии и перенапряжением сил военных поселян и солдат подразделений, находящихся в округах на работах⁶². Насаждение военных поселений стало апогеем государственной деятельности Аракчеева; соответственно и недовольство общественного мнения в связи с их введением полностью обратилось против него.

Были и другие причины ставки императора на Аракчеева. После Венского конгресса Александр I чрезвычайно увлекся внешней политикой и ему нужен был человек, способный «подтянуть» общество, а главное армию, впитавшую дух вольнодумства за время Отечественной войны и заграничных походов. На передний план выдвинулись охранительные задачи. Только Аракчеев, с его огромной волей, мог сдвинуть своей железной рукой общественные порывы. Боязнь революционных потрясений как в Западной Европе, так и внутри страны (восстание Семеновского полка в 1820 г. было расценено Александром I не только как следствие жестокости полковника Шварца) побудила императора более решительно опереться на Аракчеева. Однако это не

означает, что он был предоставлен самому себе. Увлечение внешней политикой и мистицизмом спокойно уживались у императора со способностью реального решения достаточно сложных вопросов внутренней политики. Документы собственной е.и.в. канцелярии, бумаги личного происхождения свидетельствуют, что вплоть до самой смерти Александр I принимал активное участие в управлении страной. Когда после смерти Аракчеева Клейнмихель разбирал его архив, то обнаружилось, что черновики многих бумаг, подписанных Аракчевым, были составлены императором⁶³. Следовательно, и в данный период Аракчев оставался по крайней мере вторым лицом в делах государственного управления, надежным и точным исполнителем мыслей и планов Александра I.

Если перед Отечественной войной император пытался одновременно решить две задачи: «подтянуть» общество и подготовить серьезные преобразования государственного аппарата, что и предопределило параллельное возвышение Аракчеева и Сперанского, то на новом этапе перед правительством стояла чисто «оборонительная» задача в плане сохранения незыблемости государственного строя. Реформаторский дух был в значительной степени утрачен. И Аракчев оказался, практически, единственным человеком, который мог справиться с этой задачей.

Достигнув зенита, Аракчев, казалось, мог бы не беспокоиться о прочности своих позиций. Но и в этот момент он не терпел даже тени какого-либо соперничества. На ключевые посты назначались преданные ему люди (князь Д.И.Лобанов-Ростовский, И.И.Дибич, Б.Б.Кампенгаузен). Единственно удачной была замена Д.А.Гурьева Е.Ф.Канкриным на посту министра финансов, поскольку последний был на голову выше многих министров того времени. Но это было, как отмечает А.А.Кизеветтер, случайное счастливое исключение: все остальные креатуры Аракчеева отличались посредственностью и возбуждали своей деятельностью резкое недовольство общества⁶⁴.

Особую ненависть испытывал он к министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н.Голицыну, который был дружен с императором с детства. Голицын являлся главным организатором библейских обществ в России, заботивших мистически настроенного Александра I не меньше, чем военные поселения. Свой план борьбы с Голицыным Аракчев построил на том, чтобы опорочить мистическое движение с точки зрения политической благонадежности. Он сумел убедить Александра I, что библейские общества и другие предпри-

ятия Голицына по части просвещения есть та же революция, только прикрытая религиозным флагом. В этом Аракчеву помогли М.Л.Магницкий и игумен Новгородского Юрьева монастыря Фотий⁶⁵, руками которых Аракчев добился отставки Голицына. Это была последняя крупная победа Аракчеева в политической интриге.

Нельзя не упомянуть и о его участии, наряду с другими одиннадцатью сановниками, в секретной разработке проектов освобождения крестьян, работа над которыми проводилась в 1817—1818 гг. Подлинник аракчевского проекта не разыскан и известен только в изложении других лиц. Суть его в общих чертах сводилась к следующему. Владельческие крестьяне и дворовые люди с согласия помещиков постепенно выкупались казной. Кроме того, опять-таки с согласия помещиков, государство могло выкупить по 2 дес. пахотной земли на каждую ревизскую душу. Такая мизерность наделов, естественно, способствовала бы развитию арендных отношений и препятствовала полному отрыву крестьянских хозяйств от помещичьего. На покупку крестьян и земли правительство должно было отпускать ежегодно по 5 млн. руб., покрывая недостаток денег выпуском особых казначейских билетов. По мнению Аракчеева, интересы дворянства в этом случае ограждались тем, что операция производилась только с его согласия, и оно получало наличный капитал для уплаты долгов и развития хозяйства на новой основе.

Вторая половина 1825— начало 1826 гг. стали переломными в политической карьере и личной жизни Аракчеева. Летом 1825 г. императору поступил донос унтер-офицера одного из поселенных кавалерийских полков И.В.Шервуда о группе заговорщиков, которые вели антиправительственную пропаганду в частях 2-й армии. Отправляясь на юг, Александр I поручил Аракчеву провести соответствующее расследование и арестовать заговорщиков. Было решено, что в первой половине сентября с г. Карачеве Орловской губернии Шервуд встретится в фельдгегерем Аракчеева и передаст новые сведения о заговорщиках и их планах. Но 10 сентября в Грузии дворовые люди убили Н.Ф.Минкину (Шумскую) — экономку графа, которая была его фавориткой более 25 лет. Аракчев был настолько потрясен ее смертью, что совершенно впал в депрессию, отошел от государственных дел и не выполнил поручения императора. Дела по Кабинету министров он передал статс-секретарю М.Н.Муравьеву, а командование корпусом военных поселений — генерал-майору А.Х.Эйлеру. Одновременно он отправил письмо Александру I, в котором изложил причины оставле-

ния всех государственных постов. Письма императора свидетельствуют, что он довольно снисходительно отнесся к этому шагу Аракчеева и даже пытался разными способами лично или через других лиц утешить графа.

Вторым ударом для Аракчеева стала неожиданная смерть императора 19 ноября 1825 года. Эта весть достигла Петербурга 27 ноября. Аракчеев понял, что его могуществу приходит конец, но попробовал удержаться у власти, присягнув 30 ноября вместе с поселенными войсками Константину Павловичу, одновременно уведомив его, что «получил облегчение от болезни». Довольно оперативно проведенная присяга поселенных войск Николаю I не смогла, однако, спасти их начальника. Император не простил Аракчееву его трусости 14 декабря, когда тот так и не вышел на Сенатскую площадь из Зимнего дворца. Статс-секретарь В.Р.Марченко, находившийся в это время в Зимнем, впоследствии писал, что во дворце из военных оставались только двое — «князь Лобанов по старости и непринадлежности к армии и граф Аракчеев по трусости...»⁶⁶. Н.М.Карамзин и А.М.Горчаков также утверждали, что Аракчеев в тот день пребывал в состоянии «страха и уныния»⁶⁷.

Окончательную точку в этом деле поставила собственная бестактность Аракчеева. 12 декабря 1825 г. великий князь Николай Павлович писал И.И.Дибичу: «Третьего дня видел в первый раз графа Аракчеева. Он мне упомянул об этом деле (о заговоре — *К.Я.*), не зная, на чем оно остановилось, и говорил про оное, потому что полагает его весьма важным. Я тогда же сообщил об этом Милорадовичу, который хотел видиться с Аракчевым; но как граф принял за правило никого у себя и нигде не видеть, даже по службе, то и не пустил к себе Милорадовича, хотя он и велел сказать, что он от меня»⁶⁸. Впоследствии Шервуд писал, что не опоздай курьер Аракчеева, «никакого возмущения 14 декабря на Исаакиевской площади не случилось, затеявшие бунт были бы заблаговременно арестованы»⁶⁹.

Николай I, по-видимому, сразу решил избавиться от Аракчеева, но при этом обставить его увольнение «знаками изысканного внимания». 19 декабря 1825 г. Аракчеев получил рескрипт, в котором император выражал надежду, что тот будет служить ему, «как и покойному государю»⁷⁰. Одновременно ему был сделан весьма прозрачный намек на желательности добровольной отставки. 20 декабря последовал новый рескрипт, освобождавший Аракчеева от заведывания делами Комитета министров и императорской канцелярии; он переставал быть чле-

ном Государственного совета. За ним сохранилась лишь должность Главного над военными поселениями начальника, но и на ней он пробыл весьма недолго.

Весной 1826 г. во время смотра гренадерского графа Аракчеева полка несколько солдат подали бригадному командиру генерал-майору Петрову жалобу, что «служить невозможно тяжело стало». Следствие проводил сам Аракчеев, зачинщики были наказаны шпицрутенами и сосланы в Сибирский корпус. Граф попытался скрыть факт возмущения в полку от Николая I, но тот узнал об этом от Клейнмихеля и в апреле того же года провел инспекторский смотр ряда округов 1-й гренадерской дивизии. Император понял, что блестящая форма не соответствует содержанию — округа гренадерского корпуса так и не смогли перейти на самообеспечение продовольствием и фуражом.

В обществе поняли, что от былого величия Аракчеева не осталось и следа. Началось открытое злословие в его адрес. Почувствовав, что тучи сгущаются, заболев к тому же нервным расстройством, Аракчеев 9 апреля 1826 г. написал прошение об отпуске для лечения за границей. Фактически это была просьба об отставке, поскольку срок отпуска в рапорте не оговаривался; он прекрасно понимал, что после возвращения вряд ли будет допущен хотя бы к командованию военными поселениями, судьба которых при новом императоре становилась неясной. 30 апреля последовал рескрипт, удовлетворивший просьбу Аракчеева об отпуске и о выделении 50 тыс. рублей «на дорожные издержки». Командование поселенными войсками на время его отсутствия вверялось Клейнмихелю, которому предписывалось «о делах важных», требующих «разрешения» Главного над военными поселениями начальника, «относится» к начальнику Главного штаба е.и.в.⁷¹. Тем самым нарушалась автономия военных поселений, и началось постепенное их подчинение общему армейскому управлению.

В своих воспоминаниях флигель-адъютант императора Н.И.Шенинг пишет: «В октябре (1826 г. — *К.Я.*) узнал Государь, что Аракчеев возвращается и поручил Дибичу послать к нему письмо в Киев с уведомлением, что Император, полагая, что кратковременное пользование водами не могло совершенно излечить его, предоставляет ему возвратиться в чужие края, до совершенного выздоровления; а ежели же граф полагает окончить курс своего лечения в России, то советует ему воспользоваться деревенским воздухом и, не приезжая в столицу, остаться в Грузии. Я сам сочинял и переписывал это письмо»⁷². 23 октября, согласно указу императора, должность Главного над военными

поселениями начальника была упразднена и Аракчеев таким образом получил полную отставку⁷³.

В начале 1827 г. Аракчееву пришлось давать объяснения по поводу появления за границей изданной им переписки с Александром I. Аракчеев был вынужден признаться, что отпечатал в типографии штаба военных поселений 30 экземпляров без разрешения правительства⁷⁴. Следует отметить хорошую археографию издания: почти каждый документ сопровождался точными указаниями на время его получения. Кроме того, ни одно письмо, даже там где выражалась «немилость» императора, не было пропущено издателем. Подлинники писем были немедленно изъяты А.И. Чернышовым.

Подчиняясь воле императора, Аракчеев постоянно жил в Грузии, лишь изредка выезжая к друзьям и родственникам, но никогда уже не посещал столицу. В Петербурге же за ним сохранился казенный дом, который в 1832 г. военный министр граф А.И. Чернышов попытался у него отобрать, однако Аракчеев воззвал к заступничеству императора, и дом был оставлен за ним. Но вообще он старался как можно меньше напоминать о себе. Известны всего несколько его писем Николаю I. Так, во время восстания в новгородских военных поселениях в 1831 г., перепуганный граф приехал в Новгород, однако губернатор Денфер, опасаясь гнева поселян, попросил его покинуть город. Оскорбленный Аракчеев обратился к императору. Губернатор получил взыскание, а Аракчееву было разрешено проживать там, где он пожелает. Последний указ, касавшийся служебного положения Аракчеева, был подписан 8 апреля 1833 г.: «Не считать графа А.А. Аракчеева инспектором артиллерии и пехоты»⁷⁵.

В последние годы жизни он особенно много занимается устройством имения, старается вникнуть во все детали хозяйственной жизни, читает много литературы по экономике. По свидетельству близко его знавшего Н.Г. Сигунова, «Аракчеев иногда упоминал, что он желал бы продать Грузино. Он думал устроить продажу его в казну через друга своего, графа Канкрин, и собирался писать к нему об этом. Я однажды спросил у Аракчеева: во сколько же он ценит Грузино? На это он отвечал, что не отдаст дешевле, как за 10 млн. рублей. После продажи Грузина он хотел жить за границей»⁷⁶.

Особенно много было сделано графом по увековечиванию памяти Александра I. Во время путешествия за границу он заказал лучшим парижским скульпторам и литейщикам напольные бронзо-

вые часы, увенчанные скульптурной группой: Аракчеев печально склонившийся над бюстом императора Александра I. Часы были устроены таким образом, что били только один раз в сутки, в час кончины Александра I (10 час. 50 мин.), и играли «со святыми упокой». Несколько позже был изготовлен серебряный бюст на такой же колоне, который располагался в одной из комнат усадьбы. Но этим Аракчеев не ограничился. Ему хотелось создать нечто более грандиозное, увековечивавшее память его благодетеля. Место для него он выбрал перед собором Андрея Первозванного, а сам памятник был заказан молодому, очень модному в то время скульптору Гальбергу. Работа над ним (отливался Якимовым под наблюдением президента Академии художеств А.Н. Оленина) длилась довольно долго и его открытие состоялось 19 ноября 1833 г. (единственный случай установления памятника таких размеров одним лицом).

Памятник состоял из пяти массивных изящно выполненных бронзовых фигур. На высоком гранитном постаменте одну общую группу составляли три фигуры: Вера, Надежда, поднимающие бюст императора Александра I, и Милосердие, поддерживавшая бюст одной рукой, другой увенчивала его небесным венком с сиянием. У ног этих фигур, на верхней части пьедестала, положены на подушке императорские регалии — корона, скипетр и держава. У подножия пьедестала располагались еще две фигуры: российский воин, изображающий самого Аракчеева и освобожденная Европа, печально вззирающая на возносимый бюст Александра I⁷⁷.

Превратив свою усадьбу в один общий памятник Александру I и его эпохе, Аракчеев не ограничился только овеществленными памятниками своему «обожаемому монарху»: он решил поставить ему памятник в исторической литературе. С этой целью в 1833 г. он внес в Государственный заемный банк 50 тыс. рублей, «с тем чтобы сия сумма оставалась в нем 93 года неприкосновенною со всеми приращенными на оную в продолжение сего времени процентами, без малейшего ущерба и изъятия». К 1925 г. эта сумма должна была составить около 2 млн. рублей и предназначалась «в награду тому из российских писателей, который через сто лет от кончины в Бозе почивающего Венценоцца, т.е. в 1925 году, напишет на русском языке историю царствования Императора Всероссийского Александра I лучше всех, т.е. полнее, достовернее и красноречивее». Премия должна была присудить Российская академия словесных наук⁷⁸. По-

видимому, столь длительный срок был назначен Аракчевым не случайно: он прекрасно понимал, что будущий биограф Александра I не сможет не написать и о нем. Граф хотел войти в историю, но не таким, каким рисовался современникам, рассчитывая на более благожелательную оценку потомков. Согласно его воле в 1915 г. Российская Академия Наук опубликовала в русских и иностранных газетах и журналах предложение о написании истории царствования Александра I⁷⁹.

После реорганизации новгородских военных поселений в округа пехотных солдат (1832 г.) было решено на базе штаба бывшего округа гренадерского наследного принца прусского полка (дер. Новоселицы) создать Новгородский кадетский корпус (открыт 24 марта 1834 г.)⁸⁰. В связи с этим, в 1832 г., Аракчев просил Николая I принять от него 300 тыс. рублей, на проценты от которых должны были содержаться кадеты из бедных дворянских семей Новгородской и Тверской губерний⁸¹. Это лишний раз доказывает, что в последние годы жизни его мысли в отношении наследства больше склоняются не к физическому, а к юридическому лицу.

Прямых наследников Аракчев не имел. Детей от брака с Н.Ф.Хомутовой у них не было. На их венчании, которое состоялось 4 февраля 1806 г. присутствовал Александр I, который пожаловал невесте фрейлинский шифр и орден Св. Екатерины 2-й степени. Брак их не был счастливым и они вскоре фактически разошлись, хотя юридически развод не был оформлен. Все перипетии этой истории достаточно подробно и достоверно описаны в романе Н.Гейнце, который не без основания полагает, что всему виной была Н.Минкина, сумевшая расстроить этот брак⁸². Не ясно, почему в письме брату Андрею от 15 апреля 1806 г. Аракчев называет другую фамилию невесты: «...по власти Божией женился на девице Наталье Федоровне Хавестовой»⁸³. Можно предположить, что ошибка вкралась при публикации в журнале.

Его воспитанник («мнимый сын Н.Минкиной») М.А.Шумский, которому он дал блестящее образование (вначале учился в пансионах пастора Коллинса и Н.И.Греча, а затем был определен в Пажеский корпус, знал почти все европейские языки) и добился для него в 1824 г. звания флигель-адъютанта, спился и был лишен наследства. С родственниками Аракчев практически не поддерживал отношений (переписывался в основном с братом Петром) и принимал у себя только своих старых сослуживцев с семьями: Апрелевых, Бухмейеров, Ильиных, фон Фрикенов, Канкриных и вдову Г.Р.Державина — Дарью Алексеевну.

К концу жизни Аракчев был обладателем дипломов Российской академии, Общества истории и древностей российских при Московском университете, почетного любителя Академии художеств, Общества любителей коммерческих знаний, Филотехнического общества, Казанского и Харьковского университетов.

Аракчев был среднего роста, сухощав и слегка угловат. Никогда не отличался хорошим здоровьем и часто болел. Был вспыльчив, подозрителен и недоверчив. Но если проникался к кому доверием, то не изменял своего отношения без очень веских причин. Так, он очень трогательно относился к Г.С.Батенькову (будущему декабристу), входившему по его настоянию в Совет главного над военными поселениями начальника. В кругу близких людей бывал весел, любил шутить, зачастую прибегал к едким словечкам, сарказму. Ему нравилось покровительствовать одаренным людям: часто приглашал в имение ученых, литераторов и художников. Был набожен и очень редко употреблял алкоголь.

Близко знавший его по военным поселениям Е.Ф. фон Брадке пишет: «Аракчев был человеком необыкновенных природных способностей и дарований, что едва ли может быть подвержено сомнению со стороны тех лиц, кто его хоть несколько знал и кто не увлекался безусловно своими предубеждениями. Быстро схватывая предмет, он в то же время не лишен был глубины мышления... Ему казалось, что он стоял одиноким, что его высота была умственно недостижима, и с этого воображаемого величия взирал он на бедное человечество и пользовался его слабостями и страстями для достижения своей цели и для усиления своего безгрешно возраставшего самолюбия.

Поистине редкая и строгонаправленная деятельность, необыкновенная правильность в распределении времени и воздержании от безмерного пользования плотскими наслаждениями давали ему очевидную возможность совершать более того, что могло быть сделано обыкновенным путем и служили в его беззастенчивой руке бичем для всех его подчиненных. Но его нравственные правила были нетверды: у него почти постоянно были незаконные связи, и при этом он часто хвалился своим воздержанием»⁸⁴. Хотя Аракчев и отличался холодным и даже суровым характером, однако он до самой старости не был равнодушен к женщинам. Всякое красивое выразительное лицо женщины производило на него магическое действие. Некоторые современники утверждали, что значительная часть библиотеки

Аракчеева состояла из книг «далеко не целомудренного содержания»⁸⁵.

Подводя итог прожитому он писал: «В жизни моей я руководствовался всегда одними правилами — никогда не рассуждал по службе и исполнял приказаниями буквально, посвящая все время и все силы службе царской. Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут, да что делать? Таким меня Бог создал! И мною круто поворачивали, а я за это остался благодарен. Мягкими французскими речами не выкуешь дела! Никогда я ничего не просил для себя, и милостью Божьей дано мне все! Утешаюсь мыслью, что я был полезен»⁸⁶.

В апреле 1834 г. Аракчеев серьезно заболел. В столице о болезни графа узнали 16 апреля из письма поручика Макариуса, который исполнял обязанности адъютанта при отстраненном от дел генерале. По распоряжению А.И. Чернышова в Грузино выехал лейб-медик барон Я.Виллие. Когда из его донесений стало ясно, что надежды на выздоровление не осталось, 21 апреля военный министр предписал дежурному генералу и директору Департамента военных поселений Клейнмихелю: «Государь Император, получив известие о крайне опасном и почти безнадежном положении графа Алексея Андреевича Аракчеева и вместе с тем о том, что кроме некоторой прислуги никого при нем не находится, изволил изъявить желание, чтобы Ваше Превосходительство в качестве прежнего его сослуживца и друга немедленно отправились в с. Грузино для принятия последней воли больного и исполнения всех тех желаний, которые лично до него или до имения его относятся могут. Ежели бы к прискорбию Его Величества вы не застали уже в живых графа Алексея Андреевича, в таком случае Государь Император уполномочивает вас распорядиться преданием тела земле со всею воинскою почестию, по уставу ему следующему, вытребовав для сего в с. Грузино потребное число войск от гренадерского корпуса с артиллерию; а вслед за сим приступить к разбору бумаг его, отделив от них все, до дел служебных относящееся и, составив сим последним подробную опись, посредством флигель-адъютанта Игнатьева, которую и доставить ко мне в списке для предоставления Его Императорскому Величеству; сами же бумаги за общими вашими печатями хранить на месте, приставив караул»⁸⁷.

Но как не торопился Клейнмихель, он не застал графа в живых. Умер Алексей Андреевич 21 апреля, а 25 числа был похоронен в собо-

ре Андрея Первозванного у подножия памятника Павлу I с отданием всех воинских почестей.

Весьма интересной является судьба наследства Аракчеева. Еще в декабре 1816 г. было высочайше утверждено его завещание, которое в запечатанном конверте хранилось в Сенате. Некоторые дополнения в него были внесены в 1821 г. и касались, в основном, расходов на содержание соборной церкви, памятников и т.п.⁸⁸ Вкратце завещание сводилось к тому, что все его движимое и недвижимое имение переходило в руки наследника, который должен носить его фамилию, а само имение ни в коем случае не подлежало дроблению. В случае отсутствия в завещании имени наследника, его должен назначить император. Перед смертью граф так и не указал конкретное имя.

Претензии на наследство предъявили: его брат, отставной генерал-майор П.А.Аракчеев, дальний родственник, отставной полковник Н.В.Аракчеев и генерал-майор Ф.К. фон Фрикен, сослуживец графа по военным поселениям (в 1834 г. — начальник Новгородского и Старорусского уделов пехотных солдат). Последний мотивировал свои права тем, что якобы в последние годы жизни Аракчеев неоднократно предлагал ему оставить службу и вступить во владение имением. Все споры разрешились на удивление очень быстро и оригинально. Указом от 6 мая 1834 г. Грузинское имение, доходы от него, все движимое имущество передавались в распоряжение Новгородского кадетского корпуса, который стал называться Аракчеевским⁸⁹. Тем самым исполнялась воля покойного: наследник носил его фамилию, а имение оставалось неразделенным.

При разборе бумаг оказалось, что Аракчеев оставил после себя личными и в кредитных билетах более полутора миллионов рублей ассигнациями, часть из которых, согласно записей в «черновой тетради» и устному распоряжению перед кончиной, передавалась родственникам, двум воспитанницам и дворовым людям (всего до 106 тыс. рублей); еще одна часть предназначалась для содержания усадьбы, собора, памятников, Грузинского мирского банка, госпиталя для крестьян (всего до 506 тыс. рублей). Остальные капиталы поступали в распоряжение Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса. Крепостные крестьяне (около 5 тыс. душ обоого пола) получили свободу, а денщики вышли в отставку.

Было решено также «составить особую комиссию для разбора вещей». Часть из них должна была поступить в распоряжение кадетского корпуса, другая — подлежала продаже с аукциона. То же

самое предполагалось проделать и с библиотекой, сосредоточенной как в имении, так и в петербургском доме («малая библиотека»). Распоряжением главного начальника военно-учебных заведений великого князя Михаила Павловича разбор библиотеки был поручен генерал-майору Медему. Когда возглавляемая им комиссия ознакомилась с каталогами, «...оказалось, что оные, судя по заглавиям книг, заключали в себе весьма многие сочинения, правилами запрещенные». Было предложено передать каталоги в Главный цензурный комитет, «ибо перечитывать все книги и принять на себя ответственность в суждениях о каждой по ее нравственному направлению... по огромности библиотеки было невозможно»⁹⁰. Речь шла о книгах на иностранных языках, которые граф привозил и выписывал из-за границы, и которые были далеки от понятий нравственности того времени. Перечень изъятых книг составлял два особых списка (порядка 110 наименований). С особой тщательностью просматривались каталоги «малой библиотеки», в которой хранилось большинство рукописных материалов: всевозможные патенты на получение чинов, грамоты о награждении орденами и т.п.

Анализ «Обозрения Грузинской библиотеки покойного графа Аракчеева»⁹¹ свидетельствует, что она включала до 11,5 тыс. наименований только книг и периодических изданий. Сюда не были включены рукописные материалы, деловые бумаги, переписка, т.е. архивная часть библиотеки. Книги представлены изданиями разных лет как XVIII, так и XIX веков, но большинство из них относится к концу 10-х — началу 20-х годов XIX в. Российская часть библиотеки была представлена книгами о воспитании и нравственности (87 наименований), по естественным наукам (95), ведению хозяйства (351), живописи и архитектуре (192), истории и географии (1702), математике (102), военному искусству (258), художественной литературы (1048), периодических изданий (1223), законов, положений и указов (536), духовного содержания (609) — всего 6203 наименования. Книг на немецком языке насчитывалось 2414, французском — 2677, других языках — 197. Это была одна из самых крупных частных библиотек того времени. В марте 1827 г. в письме Ф.И.Апрелеву граф писал о большом пожаре в имении, который уничтожил значительную часть библиотеки, которую он «собирал сорок лет и имел редкие манускрипты»⁹². Следовательно, если учитывать, что после 1826 г. Аракчеев редко выезжал за пределы имения и незначительно пополнил библи-

отеку, то до пожара она могла включать до 15 и более тысяч наименований.

Художественная литература была представлена произведениями А.С.Пушкина, Г.Р.Державина, М.Н.Загоскина, И.И.Лажечникова, И.А.Крылова, Н.И.Греча, Ф.В.Булгарина и др. В библиотеке имелся полный комплект «Трудов Вольного экономического общества», «Свода Законов Российской Империи» и т.п., здесь хранилось более тысячи экземпляров планов, карт, эстампов. Особенно богата была представлена историческая литература: «История об Александре Великом Царе Македонии» Квинта Курция (1787 — 1788); «История Лефорта и Гордона любимцев Петра Великого» (М., 1800); «Победы графа Суворова-Рымникского или жизнь и великие деяния» в 6-ти томах (М., 1810); «Нестор. Русские летописи» А.-Л.Шлецера (СПб., 1809); «История Петра Великого» Ф.Прокоповича (М., 1788); «История Государства Российского» Н.М.Карамзина (СПб., 1818) и др. Периодические издания были представлены «Русским инвалидом», «Отечественными записками» П.Свиньина, «Московским телеграфом» Н.Полевого.

В архиве Аракчеева хранилась его переписка с большим количеством корреспондентов, копии документов служебного характера, бумаги по управлению грузинским имением, учебные тетради кадетского периода, стихи, статьи по артиллерийскому делу. В июле 1837 г. библиотека была распродана вместе с другими вещами с аукциона. В Новгородский кадетский корпус поступило всего до 1,5 тыс. наименований. Вот почему архив Аракчеева оказался рассеянным по многим архивохранилищам, библиотекам и частным коллекциям. Часть книг и документов за прошедшие полтора столетия несомненно оказались утраченными.

К сожалению после смерти Аракчеева сам кадетский корпус не был переведен в его имение, что могло бы способствовать сохранению его памятников на долгие годы. Согласно указу от 5 мая 1834 г. здесь было учреждено для детей бедных дворян отделение Новгородского батальона военных кантонистов, которые в 1844 г. составили две нерашижированные роты. Чуть позже они были расформированы, и только в 1864 г. в зданиях усадьбы был расквартирован 86-й пехотный Петровский полк.

В Новгородской области до сих пор полностью или частично сохранились штабные комплексы некоторых поселенных полков, которые местное население называет «аракчеевскими казармами».

На карте мира есть Аракчевы острова — 64 острова Маршалльского архипелага, открытые в 1817 г. мореплавателем О.Е. Коцебу⁹³.

Написание полной, подлинно научной биографии А.А. Аракчеева затруднялось до последнего времени определенной заданностью, которая бытовала в отечественной историографии, а также распыленностью его личного архива. Недостаточно учитывалась и сложность самой исторической эпохи, которая и выдвинула не менее сложную и противоречивую фигуру такого крупного политического деятеля консервативного типа, каким был граф Алексей Андреевич Аракчеев. Александр I нужен был Аракчеву так же, как Аракчев — Александру I. В их взаимоотношениях, когда на первое место выдвигалась идея, а не человек, было больше прагматического и меньше личного духовного. И тот и другой были великолепными актерами, блестяще исполнившими свои роли на подмостках исторической сцены. Впоследствии властители неоднократно прибегали к методам и средствам той политики, основы которой были заложены Александром I и Аракчевым.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Исторический вестник. 1868. № 2. С. 283.
- ² Художественная Россия. Общедоступное описание нашего Отечества // Под ред. П.Н. Полевого. СПб., 1884. Т.1. С.31.
- ³ Мордвинов И.П. Библиографический указатель литературы о графе Аракчеве // Памятная книжка Новгородской губернии на 1894 год. Новгород. 1894.
- ⁴ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1868—1872. Т.V — VI.; Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV.; Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчев // Исторические очерки. М., 1912.
- ⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812—1815 гг. Т.6. СПб., 1849. Карцов П.П. О военных поселениях при графе Аракчеве // Русский вестник. 1890. № 2. С. 139—171, № 3. С.82—113, № 4. С.75—121.
- ⁶ Федоров В.А. А.А. Аракчев (1769—1834) // Вестн. Моск. ун-та. 1993. № 3. С.54—74; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчев // Вопросы истории. 1991. № 12. С.37—50

- ⁷ Отто Н.К. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и Новая Россия. 1875. Т.1. С. 95.
- ⁸ Ратч В.Ф. Сведения о графе А.А. Аракчеве // Военный сборник. 1863. №№ 5, 12; 1864. № 1.
- ⁹ Дризен Н.В. Последние годы жизни графа Аракчеева // Исторический вестник. — 1904 — Т.97. — С.871.
- ¹⁰ Ратч В.Ф. Указ. соч. // Военный сборник. 1863. № 12. С. 39. В формулярном списке значится 10 октября (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.489. Оп.1. Д.7062. Л.158).
- ¹¹ Русская старина. 1873. Т.8. С.975.
- ¹² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т.6.
- ¹³ Русская старина. 1873. Т.8. С.975.
- ¹⁴ РГВИА, Ф.489. Оп.1. Д.7062. Л.158.
- ¹⁵ Опыт библиотеки для военных людей. СПб., 1826. Данная записка ошибочно приписывалась П.И. Мелиссино.
- ¹⁶ Федоров В.А. Указ. соч., С.57.
- ¹⁷ Ратч В.Ф. Указ. соч., С.109.
- ¹⁸ Потоцкий П. История гвардейской артиллерии. СПб. 1896. С.17.
- ¹⁹ Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев. 1892. Т.1. Кн.2. С.1320.
- ²⁰ Глебов П. Слово об Аракчеве // Военный сборник. 1861. № 16. С.465.
- ²¹ РГВИА, Ф.489. Оп.1. Д.7062. Л.158.
- ²² Якушкин В. Сперанский и Аракчев. М. 1916. С.8.
- ²³ Русская старина. 1871. Т.3. С.241—242.
- ²⁴ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 1. С.188.
- ²⁵ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М. 1990. С.331.
- ²⁶ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. СПб. 1912. Т.1. С.276—277.
- ²⁷ Русский архив. 1872. № 10. С. 2036.
- ²⁸ Художественная Россия..., с. 26.
- ²⁹ Отто Н.К. Указ. соч. с. 381.
- ³⁰ Там же, с. 382.
- ³¹ Языков А.П. Из воспоминаний о селе Грузине, имени графа Аракчеева в 1826 году // Русский архив. 1869. № 9. С.1464.
- ³² Художественная Россия..., с. 30.
- ³³ Автобиографическая записка Е.Ф. фон Брадке // Русский архив. 1873. Кн. 1. С.37.
- ³⁴ Шильдер Н.К. Указ. соч., т.2. С. 111.
- ³⁵ Русская старина. 1874. № 5. С.191.
- ³⁶ Столетие Военного министерства 1802—1902. СПб., 1909. Т.3. Ч.1. С. 18—35.

- ³⁷ Якушкин В. Указ. соч., с. 40.
- ³⁸ Кизеветтер А.А. Указ. соч., с. 68.
- ³⁹ Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки (РО РГБ) ф.471, карт. 1, д.1, л.89об. — 93; д. 6, л. 3.
- ⁴⁰ Герасимова Ю.И. Архив А.А. Аракчеева // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. М., 1980. Вып. 41. С. 60 — 68.
- ⁴¹ РГВИА, ф.405, оп.1, д.481, л.358—359; д.186, л.355.
- ⁴² РО РГБ, ф.471, карт.3, д.4, л.123 об, 126 об.
- ⁴³ Полянский М. Верный верноподанный // Памятная книжка Новгородской губернии на 1901 г. Новгород, 1901. Приложения. С.3.
- ⁴⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., т. 6.
- ⁴⁵ РО РГБ, ф.859, карт.31, д.14, л.40 об.
- ⁴⁶ Шильдер Н.К. Указ. соч., т.2. С.261—264.
- ⁴⁷ Кизеветтер А.А. Указ. соч., с. 71.
- ⁴⁸ Александр I посетил Грузино 12 раз. Ежегодно он там бывал после создания в Новгородском уезде округов поселений 1-й гренадерской дивизии (Русский архив. 1869. №9. С.1471).
- ⁴⁹ Новый энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., б/г. Т.3. С.319.
- ⁵⁰ Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч., т.1. С.265.
- ⁵¹ Кизеветтер А.А. Указ. соч., с.16.
- ⁵² Глебов П. Слово об Аракчееве // Военный сборник. 1861. № 16. С.456.
- ⁵³ Лапин В.В. Военные расходы в России в XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С.150.
- ⁵⁴ РГВИА, ф.265, оп.1, д.95, л.1.
- ⁵⁵ Там же, ф. 405, оп.1, д.1, л.460—461 об.
- ⁵⁶ РО РГБ, ф.859, карт. 31, д.17, л.53.
- ⁵⁷ До конца истоки идеи военных поселений еще не выяснены. Известно, что они имели как противников (М.Б.Барклай де Толли, И.И.Дибич и др.), так и сторонников (В.П.Кочубей, П.П.Лопухин, А.И.Чернышев и др.). Правда, М.И.Богданович полагает, и не без основания, что последние положительно отзывались о военных поселениях из лести императору (см.: Богданович М.И. Указ. соч., т.6. С.117—118; Кандаурова Т.Н., Давыдов Б.Б. Военные поселения в оценке современников // Вестн. Моск. ун-та. 1992. № 2. С.44—55).
- ⁵⁸ РГВИА, ф.405, оп.2, д.6933, л.269; дл. 155, 771, 1469, 1960; (см.: Ячменихин К.М. Военные поселения в России: история социально-экономического эксперимента. Уфа, 1994. С.49).
- ⁵⁹ РГВИА, ф.405, оп.1, д.88, л.232 об. Дело в том, что должность начальника штаба, на которую был назначен флигель-адъютант полковник Н.А.Клейнмихель,

- была учреждена в 1819 г., за два года до создания самого штаба.
- ⁶⁰ Шебальский П.Г. Военные поселения и граф Аракчеев // Русский вестник. 1871. № 10. С.495.
- ⁶¹ Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807—1827 гг.) // Под ред. Н.Ф.Дубровина. СПб., 1883. С.466—467.
- ⁶² Ячменихин К.М. Финансирование и бюджет военных поселений в России // Вестн. Моск. ун-та. 1993. № 2. С.35—44.
- ⁶³ РГВИА, ф.405, оп.4, д.1746, л.3—4.
- ⁶⁴ Кизеветтер А.А. Указ. соч., с.18.
- ⁶⁵ Русский архив. 1868. № 6. С.950.
- ⁶⁶ Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С.256.
- ⁶⁷ Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. СПб., 1866. С.412; Русская старина. 1883. № 10. С.167.
- ⁶⁸ Цит. по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.3. С.320.
- ⁶⁹ Исповедь Шервуда-Верного // Исторический вестник. 1896. Январь. С.76.
- ⁷⁰ Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т.1. С.354.
- ⁷¹ РГВИА, ф.405, оп.1, д.409, л.844.
- ⁷² Воспоминания Н.И.Шенига // Русский архив. 1880. Кн. 3. № 2. С.324.
- ⁷³ Федоров В.А. Указ. соч., с.72.
- ⁷⁴ Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчееву. 1784—1799. // Русская старина. 1873. №7. С.477—478.
- ⁷⁵ РО РГБ, ф.859, карт. 31, д.14, л. 7.
- ⁷⁶ Черты жизни Аракчеева. Воспоминания артиллерии генерал-майора Н.Г.Сигунова // Русская старина. 1870. № 3. С.273—274.
- ⁷⁷ Художественная Россия..., с.32, 34. Во время Великой Отечественной войны фронт длительное время проходил по р. Волхову и усадьба Аракчеева была полностью уничтожена.
- ⁷⁸ Там же, с. 34, 35.
- ⁷⁹ Аракчеевская премия // Исторический вестник. 1916. № 11. С.550—551. После революции «аракчеевский фонд» был национализирован.
- ⁸⁰ Карцов П.П. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса. СПб., 1884.
- ⁸¹ РО РГБ, ф.471, карт.14, л.4, 6—9.
- ⁸² Гейнце Н. Аракчеев. — М.: «Кучково поле», СПб.; Издательство Буковского, 1994.
- ⁸³ Вестник Европы. 1870. Т.IV. С.472.
- ⁸⁴ Фон Брадке Е.Ф. Указ. соч., с. 47—48.
- ⁸⁵ Русская старина. 1884. Т.41—42. С.481.

⁸⁶Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., т.6.

⁸⁷РГВИА, ф.405, оп.4, д.1746, л.3.

⁸⁸Там же, л. 65.

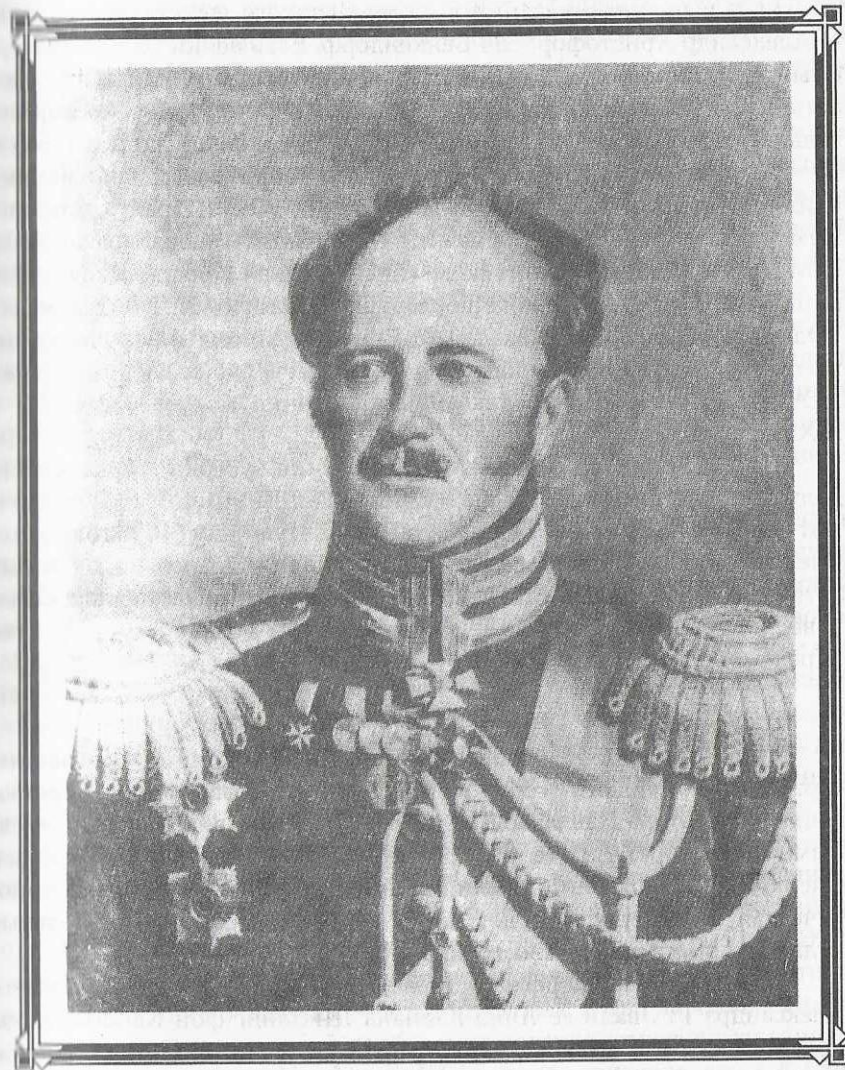
⁸⁹Там же.

⁹⁰Там же, д.1754, л.1.

⁹¹Там же, л.40—42.

⁹²Г.С.Ш. Семейство Апрелевых. СПб., 1896. С.15.

⁹³РО РГБ, ф.471, карт. 8, д.1, л.3.

Александр Христофорович
БЕНКЕНДОРФ